

Лидия
ЧАРСКАЯ

*Повести
и рассказы*

Лидия Алексеевна Чарская

Умница-головка

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=635995

Лидия Чарская. Повести и рассказы:

Аннотация

Дрожа и ежась в своем легком пальтишке, сидела маленькая девочка среди ящиков и мешков на палубе третьего класса.

Ей на вид было лет восемь-девять. Ее черные глаза пугливо смотрели за борт на пенящиеся, клокочущие волны.

Пассажиры давно разошлись по теплым каютам, а здесь, на палубе, было только несколько рабочих, пристроившихся на мешках и закрывшихся с головой кусками брезента, да она, маленькая путешественница. Она дрожала от холода, ища защиты от сырости между ящиками и мешками...

Содержание

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ	5
Глава I	5
Глава II	8
Глава III	10
Глава IV	14
Глава V	15
Глава VI	18
Глава VII	20
Глава VIII	23
Глава IX	26
Глава X	28
Глава XI	30
Глава XII	34
Глава XIII	36
Глава XIV	40
Глава XV	42
Глава XVI	44
ЧАСТЬ ВТОРАЯ	48
Глава I	48
Глава II	50
Глава III	53
Глава IV	56
Глава V	59

Глава VI	61
Глава VII	65
Глава VIII	68
Глава IX	71
Глава X	73
Глава XI	76
Глава XII	80
Глава XIII	84
ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ	88
Глава I	88
Глава II	92
Глава III	95
Глава IV	99
Глава V	102
Глава VI	105
Глава VII	108
Глава VIII	112
Глава IX	115
Глава X	118
Глава XI	121
Глава XII	124
Глава XIII	127

Лидия Алексеевна Чарская

Умница-головка

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Глава I

Два брата

Пароход медленно и плавно совершал свой путь по волнующемуся, шумному морю. Серые волны пенились, разбиваясь о борт огромного судна. Ветер крепчал с каждой минутой. На западе грозно хмурилось свинцовое небо. От шума ветра, от рокота волн и тяжелого пыхтения машины кругом стоял сплошной гул, точно какой-то бурный концерт.

Два мальчика, одетые в одинаковые матросские куртки, с такими же фуражками на головах, то и дело шныряли по верхней и нижней палубам парохода и карабкались на капитанский мостик.

– Что, будет буря? – скорее с любопытством, нежели с тревогой, спрашивали они поминутно каждого попадавшегося им навстречу матроса.

Капитан неподвижно стоял у себя на мостике и присталь-

но смотрел вдаль, на волновавшееся море и клубившиеся низко над водой облака.

– Быть к ночи буре! – коротко бросил он стоявшему подле него боцману.

Как ни тихо были произнесены эти слова, они долетели до слуха обоих маленьких пассажиров.

– Будет буря, ты слышал, Коля? Неправда ли, весело? – произнес шепотом смуглый и черненький, как жук, с черными же и бойкими глазками, мальчуган лет девяти.

– Ничего нет веселого в этом! – ответил ему старший брат, Коля, такой же черненький и смуглый одиннадцатилетний мальчик. – Я, наоборот, боюсь, что мама и Нуся испугаются бури, если они проснутся среди ночи!

– Ну, вот! Так и испугаются сейчас! Ты лучше сознайся: сам боишься бури. Трусиска! – И черные, бойкие глазенки вызывающе глянули на брата.

– Ты говоришь вздор, Леня. Ты же знаешь, – боялся ли я чего-нибудь до сих пор? Разве меня могли когда-нибудь назвать трусом? Нет! Сейчас, правда, боюсь, но не за себя, а за маму и Нусю. Нуся так действительно трусиха.

Но Леня уже не слушал брата; все его внимание было обращено в сторону.

– Ты это куда смотришь? – не без любопытства обратился Коля к брату, который не спускал глаз с отдаленного угла палубы, где помещались пассажиры третьего класса.

– Я смотрю на девочку, которую мы с тобой видели после

обеда. Бедняжка, она очень легко одета и, если будет буря, то ей плохо придется на палубе.

– Но почему бы ей не укрыться в каюте?

– Потому что там все места переполнены, разве ты не видел? Знаешь что, Коля, побежим-ка скорее к маме, пусть разрешит пригласить эту девочку в нашу каюту. Ведь, я думаю, она такая маленькая и тихая и не помешает никому из нас.

И черные глаза Лени с мягким, добрым выражением снова обратились в ту сторону палубы, где между ящиками и мешками ютилась маленькая плохо одетая девочка.

– Прекрасно, прекрасно придумано. Бежим, бежим к маме...

И бойкий, резвый Леня помчался стрелой по направлению к каютам первого класса, где в одной из них помещались они, их мама и сестра. Старший брат поспешил за ним.

Глава II

Девочка на палубе

– Мамочка! Мамулечка! Мамуленька! Мы к тебе с просьбой, с большой просьбой. Капитан говорит, что будет буря... Понимаешь? К ночи непременно разыграется... А на открытой палубе третьего класса едет девочка...

– Очень маленькая девочка и одна-одинешенька... – вставляет Коля.

– Ну, да, одна... И мы хотим, мы просим тебя позвать ее к нам, потому что...

– Она может простудиться...

– Ах, мамочка, как это ужасно! Ты слышала? Девочка может простудиться! – присоединяется к голосам мальчиков еще один звонкий голосок, и с подушки пароходной койки поднимается каштановая годовка, а светло-серые глаза, такие же, как у Коли, испуганно обводят присутствующих.

Это говорила Нуся, сестра мальчиков, премиленькая девочка лет восьми.

Лариса Павловна, мать детей, внимательно выслушала все, что они ей говорили.

– Маленькая девочка? Ждут бури? А эта девочка едет на открытой палубе? Ну, конечно, конечно, приведите ее сюда. Пусть отогреется и отдохнет у нас, – с улыбкой глядя на мальчиков, весело ответила Лариса Павловна.

Едва только успела кончить она, как те уже наперегонки ринулись вон из каюты.

– Мы приведем ее сейчас! Приведем сейчас, мамуленька, – раздались издали их оживленные голоса.

Лариса Павловна, мать Коли, Лени и Нуси, едет к мужу, Сергею Сергеевичу Баратову. Он служит с недавних пор в Финляндии. Переехал он туда один в то время, как Лариса Павловна с детьми проводила время в Швейцарии, где Лариса Павловна, слабая здоровьем, лечилась несколько месяцев. Теперь, оправившись от недуга, она со всей семьей решила жить на небольшой даче в сорока верстах от главного города Финляндии – Гельсингфорса, где служит Сергей Сергеевич.

Кроме Коли, Лени, Нуси и их матери, находится в каюте еще одно лицо. Это Фанни; молоденькая пятнадцатилетняя финка. Она у Баратовых не то няня, не то бонна. Фанни помогает Ларисе Павловне присматривать за детьми.

Воспитывает же мальчиков гувернер-швейцарец, который уже ждет их всех в «Ларином». Так Баратов назвал в честь Ларисы Павловны новую усадьбу, которую он купил недавно в Финляндии. В Гельсингфорсе их встретит Сергей Сергеевич, взявший отпуск на службе, чтобы устроить семью на новом месте, далеко от города.

Глава III

Новое знакомство – Спасайтесь!

Ветер дул все крепче, волны все громче шумели. Наступал вечер, и осенние сумерки быстро сгущались. Холод и сырость давали себя чувствовать на палубе парохода сильнее с каждым часом.

Дрожа и ежась в своем легком пальтишке, сидела маленькая девочка среди ящиков и мешков на палубе третьего класса.

Ей на вид было лет восемь-девять. Ее черные глаза пугливо смотрели за борт на пенящиеся, клокочущие волны.

Пассажиры давно разошлись по теплым каютам, а здесь, на палубе, было только несколько рабочих, пристроившихся на мешках и закрывшихся с головой кусками брезента, да она, маленькая путешественница. Она дрожала от холода, ища защиты от сырости между ящиками и мешками.

Но вот девочка вздрогнула от неожиданности. Перед нею незаметно выросли две небольшие фигурки.

– Здравствуйте, девочка, – произнес один из приблизившихся к ней мальчиков. – Мы не знакомы с вами, но это ничего не значит. Наша мама приглашает вас пойти к нам в каюту; там у нас много теплее, чем у вас здесь. Вы обогреетесь и, может быть, выпьете с нами чаю.

– Пожалуйста, пойдёмте; здесь так холодно, такой ужас-

ный ветер, – добавил другой мальчик.

Девочка подняла на них свои большие, удивленные глаза.

– Благодарю вас, – сказала она тихо, старательно придер- живая шляпу, то и дело готовую сорваться у нее с головы. – Мне, право, здесь не холодно...

– Вы, может быть, не хотите пойти к нам потому, что мы не знакомы? – опять сказал один из мальчиков. – Так поз- вольте представиться. Меня зовут Николаем Баратовым. А вот это мой младший брат, Леонид Баратов. У нас есть еще сестра Нуся, она самая маленькая в нашей семье; ей всего только восемь лет.

– Мы едем в Гельсингфорс... – вставил Леонид. – А вы откуда едете?

– Я? Я еду из Франции... – прозвучал в ответ тихий-тихий голосок.

– Как? Одна, такая маленькая? – в одно и то же время воскликнули мальчики. – Вы одного роста с нашей Нусей. Вам тоже, вероятно, восемь лет?

– О, нет, вы ошибаетесь. Мне двенадцать. Я уже некоторое время зарабатываю собственным трудом кусок хлеба.

– Такая малюсенькая?

– По росту, да...

– У вас есть папа и мама? – живо заинтересовался Леня.

– Нет. У меня никого не осталось в живых. Я круглая си- рота и одна-одинешенька на свете.

– Но почему вы едете из Франции?

– Я – француженка, жила два года в России, потом снова вернулась на родину и опять с одним русским семейством попала в Россию. Но вот началась война с германцами, и мне пришлось оставить это семейство и искать себе место в другом доме. Место я скоро нашла в Финляндии, но прежде, чем поступить туда, я решила съездить на родину и повидать двух моих друзей, старика Ришара и его внука Поля. С трудом попала я в Париж, но старика уже не застала в живых. Ужасная война с германцами, одно время уже бывшими совсем недалеко от Парижа, так подействовала на старика, что он заболел и умер. А внук его, Поль, незадолго до несчастья был помещен Ришаром в учебное заведение. Я повидалась с Полем, посетила могилу дедушки Ришара и теперь еду в Финляндию, где буду жить у чужих людей по рекомендации моих прежних хозяев.

– Бедняжка, нелегко вам, значит, – произнес Коля, выслушав грустную повесть девочки. Ему страшно стало жаль ее.

– Но, может быть, вы все-таки пойдете с нами в каюту, чтобы согреться и выпить чаю? – вмешался в разговор Ленья.

– Нет, благодарю вас. Я предпочитаю остаться здесь... Я имею билет третьего класса, но там в общей каюте очень душно. От спертého воздуха у меня кружится голова, а потому я осталась сидеть на палубе, хотя тут, правда, довольно прохладно. Во всяком случае, поблагодарите вашу добрую маму за ее заботы обо мне, чужой для нее девочки.

При этих словах маленькая француженка вздохнула и

опустила голову.

Братья с сожалением взглянули на девочку и отошли.

– Она, видно, очень горда, – шепнул брату Коля.

– Просто нос задирает. Когда мне будет двенадцать лет, может быть я тоже смогу зарабатывать, – проворчал Леня, очень недовольный отказом их новой знакомой.

– А мне понравилась в ней эта гордость, – задумчиво произнес его старший брат и еще раз оглянулся в ту сторону, где темнела в сгустившихся сумерках маленькая фигурка юной путешественницы.

Глава IV

Спасайтесь!

Мальчишки ушли в свою каюту, а юная пассажирка третьего класса осталась сидеть на своем прежнем месте.

Ах, как ей было холодно там! Но все-таки терпеть холод казалось ей во сто раз легче, нежели воспользоваться милостью и помощью незнакомых людей.

Коля Баратов не ошибся. Девочка была очень горда. Дрожая от стужи, она смотрела на бушевавшие волны и вспоминала все, что с ней произошло за последние годы, все события и приключения своей жизни.

Неизвестно, сколько времени она просидела так, перебирая в памяти пережитое. Но вдруг на пароходе неожиданно поднялась страшная суматоха.

Пассажиры забегали по палубе. Они были бледны от испуга. Кричали, ахали, плакали. То один, то другой матрос влетал на капитанский мостик и о чем-то докладывал капитану. Тот, наконец, махнул рукой, выпрямился и громко, что было сил, закричал на весь пароход:

– Господа пассажиры! Пароход натолкнулся на подводный камень и получил пробоину. Мы в опасности! Сейчас будут спущены спасательные лодки. Команда всех рассадит по лодкам. Спасайтесь! Только не суетесь и не мешая друг другу!

Глава V

О ней забыли – Пароход идет ко дну

Юная пассажирка точно проснулась. Куда это все бегут? Что они кричат? Зачем такая суета поднялась на пароходе?

Она встала со своего места. Мимо нее бежали мужчины, женщины, дети. Многие плакали и кричали:

– Мы тонем! Господи! Господи! Что с нами будет!

Как бы в ответ на их плач и крики с капитанского мостика опять раздался громкий и зычный голос капитана:

– Спокойствие, господа, спокойствие!.. Все успеете сойти... Всем хватит места в лодках!..

Но его точно не слышали. Перепуганные пассажиры теснились беспорядочной толпой, волновались, суетились, и толкали друг друга. В это время лодки, имевшиеся на пароходе, уже все были спущены на воду, и матросы принялись пересаживать туда по веревочной лестнице пассажиров.

А море шумело, кипело и злилось по-прежнему; волны прыгали, ударяли в пароход, точно старались скорее потопить его.

Маленькая француженка схватила небольшой узелок, в котором находился весь ее багаж, и, прижав его к груди, тоже пробралась к борту, чтобы следом за другими пассажирами спуститься по лестнице вниз, в лодку. Но в тот самый миг, когда она ступила ногою на первую ступеньку вере-

вочной лестницы, лодка, переполненная пассажирами, стала медленно отдаляться от парохода.

Заметив это, девочка ужаснулась.

«Боже мой! Они забыли меня!» – пронеслось у нее в голове, и она крикнула что было сил:

– Возьмите меня с собою! Ради Бога, возьмите!.. Ведь я погибну!

Но волны так громко ревели, ветер так страшно завывал, что в лодке никто не мог расслышать слабого голоса девочки. Между тем это была последняя спасательная лодка. Все остальные уже были далеко от гибнущего парохода.

Вдруг в одной из лодок поднялась тревога.

Маленький мальчик в теплой матросской куртке метался на корме лодки и кричал, дрожа от волнения:

– Забыли девочку!.. Она осталась на пароходе! Она погибнет! Спасите ее, спасите!

– Какая девочка, Господь с тобою! Все пассажиры благополучно сошли в лодки! – успокаивали его окружающие.

Но Коля Баратов твердил свое:

– Неправда! Она осталась там... Я видел...

Леня и Нуся присоединились к нему. Тогда пассажиры и матросы, правившие лодкой, стали кричать, защищая рот от ветра, в сторону следующей лодки:

– Капи-та-а-а-н!.. Передайте ка-пи-та-а-ну... что на палубе осталась еще па-сса-жирка... Девоч-ка...

– Ка-ка-я де-воч-ка-а-а-а? – донеслось издали.

Когда удалось объяснить хорошенько капитану в чем дело, он тотчас же распорядился, чтобы матросы, находившиеся с ним в лодке, гребли к покинутому судну.

Глава VI

Пароход идет ко дну

Снять девочку с парохода оказалось совершенно невозможным... Лодку подбрасывало, как щепку, и каждый раз, как только они приближалась к гибнущему судну, налетал новый вал и, подхватив ее, уносил далеко назад. Между тем девочка металась по палубе гибнущего парохода.

– Спасите меня! Ради Бога, спасите! – кричала она, но рев бури по-прежнему заглушал ее крик.

Пароход продолжал медленно погружаться в воду... Волны уже достигали палубы и заливали ее.

Девочка едва не скатилась вниз, прямо в бушующее море. Но решетка, окружающая борт судна, удержала ее. Больно стукнувшись головой об решетку, девочка на минуту потеряла сознание. Когда же она снова открыла глаза, то увидела перед собою на решетке что-то круглое, белое.

«Спасательный круг!» – сразу догадалась несчастная девочка, и в голове у нее блеснул луч надежды на спасение. Она с трудом по залитой водою палубе добралась до белого круга, отвязала его и надела на себя.

«Спасена! – подумала теперь девочка. – Спасена! Ну, а теперь, Господи, смилуйся надо мною!»

Она сложила руки, как это делала еще в раннем детстве, когда покойная мать заставляла ее молиться в постели, и

наскоро прошептала молитву по-французски. Потом слабо ухватилась за решетку, чтобы перелезть ее и броситься в воду...

Но в ту же минуту страшный шум раздался за спиной девочки. Не успела она оглянуться, как огромная перекатившаяся через палубу волна ударила ее в спину. Девочка была сбита с ног, подхвачена волной и через секунду очутилась в волнах моря.

Одновременно с этим пароход оглушительно затрещал и, словно игрушечный кораблик, стал быстро погружаться в воду.

Очувшись в холодной морской воде, девочка не потеряла ни на минуту сознания. Уже одна мысль о том, что ее тело обвивает спасательный круг, придавала ей бодрость и веру в спасение. Она знала, что с таким кругом утонуть трудно, пожалуй, и невозможно даже. Только одно пугало ее. Волны уносили ее все дальше и дальше от места крушения судна и от спасательных лодок, чтобы быть взятой на них. Девочка умела хорошо плавать, но от ледяной воды у нее окоченели руки и ноги. Она продвигалась очень медленно. Волны шумели по-прежнему и то высоко вскидывали ее наверх, то сбрасывали вниз, как былинку.

Она чувствовала, что скоро совсем ослабеет и перестанет бороться с бушующими волнами.

Глава VII

Она спасена!

«Я погибаю!» – подумала несчастная, чувствуя, что силы ее оставляют.

Это была ее последняя мысль. Что случилось дальше, она уже не видела и не чувствовала.

Но вот девочка очнулась и открыла глаза.

– Как тебя зовут? – сейчас же услышала она над собой чей-то нежный голосок.

– Меня зовут Марго, Маргарита... – отвечает слабым голосом маленькая путешественница. – Еще зовут меня Муму... Маргарита Бернар – мое настоящее имя... А вас? Кто вы?

– Я – Мира. Больше не расспрашивай: тебе вредно волноваться. Тебя ведь нашли на рассвете рыбаки-финны и привезли сюда на берег.

Ты была без памяти. Они хотели везти тебя к доктору за десять верст отсюда, но я им сказала, что мой отчим вылечит тебя лучше всяких докторов. Ты знаешь, что значит отчим? Ну да, муж мамочки, за которого она вышла после смерти моего родного папочки. Они рассердились и ушли, а тебя оставили на моем попечении тут, на берегу. Я сейчас промою тебе лоб, у тебя на лбу маленькая ранка. Ты, верно, ушиблась о что-то острое. Ты тонула этой ночью? Была буря, го-

ворили рыбаки, и какой-то пароход пошел ко дну. А потом несколько лодок проплыли мимо нашего берега. Теперь буря, слава Богу, утихла. Взгляни-ка, какое небо, какое море! Полюбуйся им, пока не принесут тебе сухого платья и белья. Ведь такой мокрой тебе никуда нельзя идти.

Марго с удивлением смотрела на девушку, которая сидела перед ней.

Она еще не вполне ясно соображала, каким образом очутилась в этом месте и откуда взялась девушка, так нежно с ней теперь разговаривающая.

Впрочем Марго этим сейчас мало интересовалась. Ее больше занимала мысль о том, что Бог спас ее от смерти, что она жива и, видимо, цела и невредима.

Марго перевела взгляд на море.

Море было кругом спокойно и тихо. Слабый ветерок тянул с юга и чуть заметно ласкал серую гладь воды. На бледном небе не было уже свинцовых туч, и море уже не казалось такими мрачным и грозным, как вчера.

– Мира вот и Питер! Он принес тебе теплое платье. Мы зайдем в избушку, и ты там переоденешься, – снова прозвучал над головою Марго звонкий голос.

Марго с трудом повернула голову. Тут только она заметила, что лежит у самого порога небольшой избушки, которые можно встретить десятками на морском берегу, где живут рыбаки. Но здесь была одна лишь избушка, на всем этом пустынном и одиноком берегу, сплошь загроможденном ска-

лами. Только далеко-далеко виднелось рыбацкое селение, а дальше опять шли скалы и чернел сосновый лес.

Глава VIII

Дом на горе

– Питер! Питер! Давай скорее! – закричала белокурая Мира навстречу приближавшемуся человеку.

Марго взглянула в ту сторону, откуда раздавались шаги, и увидела Дряхлого старика, который с трудом тащился, неся на плече какой-то узел.

– Ну вот, ну вот, очень хорошо, что все у нас уже есть! – весело болтала девушка. – Питер, а Питер, ты все, что нужно, принес?

– Кажись, все, – отвечал старик, не выпуская изо рта своей трубки.

– Ха-ха-ха! Какой Питер смешной! Не правда ли? И страшно упрямый, – заговорила, заливаясь смехом, Мира. – Он, когда поступил к нам в сторожа, ни слова не говорил по-русски. И я над ним потешалась от души... А сейчас он уже говорит так, что понять можно... Ну, однако, что же это я? Совсем из головы вон, что надо тебя отогреть хорошенько. Стой, прежде чем тебя одеть, надо растереть все твое тело суконкой. Я велела Питеру принести ее. Что, Питер, суконку принес? Да? Ну, вот и отлично. Давай сюда. А теперь помоги мне, Питер, поднять барышню и отнести ее в избушку. Да не делай же ты такого удивленного лица, старина! Что тут удивительного, что пароход утонул этой ночью в море, и что

наши соседи рыбаки оставили полуживую девочку на берегу. Чем хлопать глазами, лучше бы ты развел костер.

И, говоря все это, Мира быстрыми, ловкими руками раздевала Марго и растирала ее заочневшее тело.

В избушке, куда старый Питер и девушка перенесли Марго, было довольно тепло. Стены были выложены паклей и мхом, на полу лежал войлок. Войлоком же была обита и дверь.

Старик Питер разложил у двери костер из валявшихся здесь щепок и кусков дерева, и горячее дыхание пламени врывалось через дверь в избушку.

Мира начала помогать Марго одеваться. Она была много выше и полнее Марго, и ее платье повисло, как на вешалке, на худеньких плечах француженки. С мокрыми еще волосами, но уже в сухом белье и платье, поверх которого был накинут теперь теплый байковый платок, Марго чувствовала себя много лучше. Ее тело, растертое докрасна грубой суконкой, горело как в огне. И хотя в голове был тот же туман и в ушах звенело и шумело – ведь она так долго была в холодной воде – Марго, тем не менее, смогла подняться при помощи Миры на ноги и, опираясь на руку белокурой девушки, сделать несколько шагов из избушки.

– Ну вот, ну вот, – обрадовалась Мира, – ты можешь сейчас идти со мной. На одну ночь я могу приютить тебя у себя, в том доме. А только утром ты должна уйти отсюда и как можно дальше уйти.

– Почему?

– Этого я тебе не скажу. Не могу сказать. Ты не расспрашивай, все равно не скажу.

Но Марго даже и не думала расспрашивать. Она вовсе и не интересовалась этим. Ее гораздо больше интересовала сама Мира.

Между тем, они пустились в путь, в гору. За ними, ворча себе что-то под нос, следовал старый Питер, не выпуская изо рта своей короткой трубки.

Море осталось в стороне. Дорога вилась между скалами, покрытыми мхом и кустарником.

– А вот и дом, – произнесла весело Мира, указывая рукой вперед. Марго взглянула по указанному направлению и увидела небольшое каменное здание среди густо разросшихся берез и елей. Оно было окружено высокой каменной оградой. За оградой находился сад. В саду стояло еще какое-то маленькое строение, похожее издали на беседку.

– Там живет Питер, – пояснила Мира. – И там ты проведешь этот день и следующую ночь. В большой дом я тебя не поведу, ты останешься с Питером. Он добрый и славный старик. И тебе нечего его бояться. Ну, прощай пока. Скоро я забегу к тебе и принесу чего-нибудь поесть.

И странная девочка, кивнув Марго, завернула куда-то за ограду и исчезла из виду.

Глава IX

Питер

Питер подвел Марго к воротам, вынул из кармана связку ключей и вставил больший из них в замок. Ворота тотчас же растворились с жалобным скрипом. Потом, также не торопясь, старик закрыл их и, взяв за руку свою молоденькую спутницу, повел ее заросшей травой дорожкой по направлению к маленькому домику, стоявшему посреди сада.

Сухие осенние листья глухо шумели у них под ногами. Где-то над головой каркнула ворона. Питер поднял палец и погрозил ей.

Марго, уставшей и измученной, вдруг стало смешно при виде этого старика, грозившего птице.

– Питер, – смеясь, обратилась девочка к своему спутнику. – Питер, разве она может понять, что вы ей грозите?

Питер взглянул на нее, но ничего не ответил.

«Он верно не понял меня. Ведь старый Питер – финн и плохо понимает по-русски», – подумала Марго.

В это время кто-то снова закричал над ее головой жалобно, протяжно:

– Прочь! Прочь! Сюда нельзя! А то... то... то...

Марго вся задрожала и, подняв голову кверху, взглянула на верхушку высокой сосны, откуда слышался голос. Потом она перевела испуганные глаза на Питера. Но он как будто и

не обратил внимания на эти крики и продолжал покуривать свою трубку. Тогда Марго поняла. Перед ней был глухой, который ничего не слышал.

Глава X

В домике старика

В маленьком домике, куда старик привел Марго, была только одна комнатка. Мебели здесь было очень немного: всего-навсего один стол, два табурета и деревянный диван, обитый грубым серым холстом. Но все-таки комнатка казалась весьма уютной и чисто прибранной.

И здесь только девочка почувствовала, как она устала и как ноют от усталости ее руки и ноги. Присев на диване и уронив голову на спинку его, она, обессиленная, закрыла глаза.

– Подожди, подожди, пожалуйста, слышишь! – неожиданно заговорил глухой Питер. – Вот, барышня Мира велела тебе давать...

И, сказав это, Питер поднес к посиневшим губам Марго рюмку с каким-то напитком.

– Это пунш, пунш, не бойся! Немножечко пунша и больше ничего... – ободряюще шепнул он ей, кивая седой, лохматой головой.

Марго прикоснулась губами к напитку и тотчас же оттолкнула от себя рюмку:

– Не могу, не могу больше! – произнесла она, сильно закашлявшись. Но Питер настойчиво продолжал уговаривать: – Пей, пей, девочка!..

Когда же Марго наотрез отказалась от пунша, старик чуть ли не силой влил ей в рот все содержимое рюмки.

Марго с трудом проглотила крепкую, сладкую, желтую жидкость, которая точно обожгла ей горло и грудь.

Но это длилось недолго. Через минуту девочка почувствовала приятную теплоту, разлившуюся по всему ее телу. Закружилась голова, затуманились глаза, и Марго крепко уснула, растянувшись на диване.

Глава XI

Говорящая сорока

Марго проснулась довольно поздно. Осеннее солнце прощальными лучами заглядывало в окошко. Стало как будто много теплее.

Марго отлично помнила, что когда ее привели сюда, было раннее утро. Теперь же часть неба точно пылала алым заревом заката.

В комнате не было ни души. Девочка лежала по-прежнему на жестком диване, кем-то заботливо укутанная в темное фланелевое одеяло. Та же заботливая рука подсунула ей под голову мягкую подушку.

«Это Мира или Питер, – подумала Марго. – Они оба, должно быть, очень хорошие».

Но тут же Марго вздрогнула от неожиданности:

– Живо! Живо! Скорей, скорей! – послышался резкий пронзительный голос, выговаривавший слова необычайно странно и в нос.

Марго показалось, что этот голос прозвучал над самой головой у нее. Но когда девочка повернула голову в ту сторону, откуда он раздавался, она никого и ничего не увидела.

Марго невольно смутилась и снова стала с любопытством осматриваться. Что же это могло быть? Неужели это шутка Мира?

– Мира, это вы? Не прячьтесь, я догадалась, что это вы! – проговорила громко Марго, обращаясь к невидимой девушке.

– Ха-ха-ха! – неожиданно послышался чей-то залихватый смех.

– Скорей кушать! Скорей! – опять раздались слова, неизвестно кем и странно, в нос, произносимые.

Вдруг голос смолк сразу, словно оборвался. И Марго услышала хлопанье крыльев совсем близко над своей головой. В ту же минуту что-то задело ее по лбу... Она испуганно шархнула в сторону.

– Боже мой, да ведь это птица! – воскликнула ошеломленная девочка.

Действительно, по маленькой комнатке металась небольшая черная птица с белой грудкой и острым клювом.

– Ха-ха-ха! – опять повторился прежний смех, и перед Марго появилась Мира. – Ха-ха-ха! Ты, кажется, испугалась моей Лоло? Не бойся. Это самая безобидная сорока в мире. Я, видишь ли, научила ее напоминать, чтобы ей давали кушать. Смотри, какая она у меня очаровательная. Восторг, а не птица!.. Лолоша, садись скорее ко мне на плечо и поцелуй свою хозяйку!

Говорящая сорока в то же мгновение слетела на плечо Мира и стала нежно, осторожно щекотать своим клювом – сначала шею, потом щеку и, наконец, губы девушки.

Марго искренно и весело рассмеялась.

– Вот уж это извините, сударыня, этого вам еще никто не разрешил! – проговорила притворно сердитым голосом, обратившись к ученой птице, ее юная хозяйка. – Сейчас же извольте передо мной извиниться, госпожа Лоло!

Но к несказанному удовольствию Марго и самой Миры сорока и не подумала прекратить свои чересчур навязчивые ласки. Она только переждала минутку, забавно широко раскрыла клюв и снова прокричала, словно нарочно передразнивая свою хозяйку:

– Задам тебе! Задам тебе! Погоди! Погоди!

– Ха-ха-ха! Наконец-то запомнила! Ай да молодец, Лолошка! Подумай, Марго, ведь эту фразу я учила ее только вчера, а как она ее быстро запомнила! – восторгалась Мира, хлопая в ладоши.

– Очень, очень интересная птица! – искренно согласилась со своей новой приятельницей Марго.

– Это еще что! Вот если бы ты видела остальных наших зверей!..

– А у вас разве они есть... остальные звери? – живо заинтересовалась Марго.

Но тут Мира прикусила язычок и совсем уже иным тоном прошептала:

– Послушай... Маргарита... не спрашивай меня ни о чем, слышишь? Я ничего не знаю... И ничего тебе не говорила... Ни о каких зверях, слышишь? Нет у нас никаких зверей... Поняла?

Она так сильно волновалась, что Марго поспешила успокоить ее.

– Конечно, я ничего не слышала и ничего не знаю, – проговорила маленькая француженка. – Я верю, что здесь, кроме говорящей сороки, нет никаких животных...

– Ну, вот и отлично! Вот и отлично, – обрадовалась Мира.

Глава XII

Новое решение

Мира помолчала несколько минут и опять обратилась к юной француженке:

– А теперь скажи мне, как ты чувствуешь себя после ужасного купанья?

– Прекрасно. Я совершенно здорова. Меня даже не лихорадит совсем.

– Ах, как это хорошо! Значит, у тебя хватит силы добратся в лодке до паровой пристани? Здесь на берегу всегда ждет лодка, и мы доплываем в ней до паровой пристани. А оттуда уже можно ехать на пароходе в город Гельсингфорс. Конечно, по железной дороге тоже можно попасть туда, но мы предпочитаем катанье в лодке.

Марго внимательно слушала то, что ей говорили, но вдруг страшно покраснела. Она вспомнила, что у нее нет ни копейки денег на проезд, что все, что она имела, погибло в море в эту страшную ночь вместе с дорожной сумкой и скромным багажом. Но рассказать об этом Мире Марго совсем не хотелось. Рассказать – это значило бы просить у Миры денег.

– А далеко ли до большого города? – обратилась она с вопросом к Мире.

– Верст тридцать, сорок, – ответила та.

«Я пройду их пешком, эти тридцать-сорок верст», – подумала.

мала Марго, но ни слова об этом решении не сказала Мире. Последняя, ничего не подозревая, весело хлопотала вокруг своей гостью.

– Ну вот, ты, слава Богу, здорова, милочка, теперь Питер принесет тебе обед. А потом я тебе покажу наш сад. Жаль, что не могу показать и дом...

– Почему же? – спросила удивленная Марго.

– Не могу... нельзя... Это наша тайна... Нынче ложись пораньше, что бы завтра встать с восходом солнца. Рыбак Андрей, знакомый Питера, уплывает всегда в своей лодке в семь часов утра. Надо нам быть уже к этому часу на пристани.

– Хорошо, я постараюсь встать, – покорно согласилась Марго.

Как раз в это время Питер принес похлебку в миске и какую-то очень вкусную кашу.

Марго поднялась со своего дивана и с удовольствием поела и того и другого. Когда обед был окончен, Мира взяла Марго за руку и повела, как обещала, показывать сад.

Глава XIII

Марго видит необыкновенные вещи

Продолжительное ночное купанье в студеной морской воде, к счастью, нисколько не повлияло на крепкое здоровье Марго. Очень помогла и Мира, которая сделала с юной француженкой все то, что нужно делать с человеком, вытасненным из воды. А после крепкого сна и вкусного горячего обеда, принесенного Питером, Марго почувствовала себя еще бодрее и крепче.

Гуляя теперь по диким, запущенным дорожкам огромного тенистого сада, Марго думала о том, как она отправится в большой город за сорок верст отсюда, как придет туда и обратится к начальнику города, чтобы тот отправил ее дальше, к ее новым хозяевам.

Девочка, казалось, уже совсем успокоилась после пережитого несчастья и была уверена, что и впредь все устроится.

И в этот вечер она, спокойная и радостная, крепко уснула в очень хорошем настроении на широком клеенчатом диване, гостеприимно уступленном ей старым Питером. Ей снилось, что она снова плывет на огромном судне; но море тихо и спокойно на этот раз; только чуть заметные белые волны, точно зайчики, бегают на его поверхности.

– Куда мы плывем? – спрашивает она капитана.

– Во Францию, на твою родину, – отвечает тот.

Ах, она так рада снова попасть на родину, в Париж, где живет ее лучший друг – тринадцатилетний Поль. Но кто это стоит там, на пристани, к которой причаливает их корабль. Ну да, это он, Поль. Совсем такой, каким она видела его в последний раз.

– Поль! Поль! Мы снова увиделись! Ты снова со мной, как я рада! – кричит она, протягивая к нему руки, и... просыпается.

Маленькая горенка Питера освещена ярким светом. Но нигде не видно ни лампы, ни свечи. Свет идет со стороны сада.

Марго чуть приподнимает штору и в тот же миг откидывается назад на подушку дивана.

Небольшая площадка перед домом вся залита ярким светом. Даже сухая, пожелтевшая трава и опавшие с берез листья прекрасно видны при этом свете. На краю поляны стоит какой-то странный предмет, похожий на фотографический аппарат, а рядом с ним стоит человек, вертя ручку этого аппарата. Посреди поляны Марго видит две белые фигуры.

Одна из них высокая, в странном, белом балахоне и с венком из рябины на голове. В другой фигуре сразу можно узнать Миру.

«Это, наверное, Мирина мама», – подумала Марго.

Но вот из-за дерева выскочило какое-то странное существо, с черными крыльями за спиной, и стало быстро-быстро носиться по поляне. При виде странного существа серд-

це Марго забилося от волнения. Но еще больше испугалась Марго, когда увидела, как странное темное существо подскочило к Мире и, подхватив ее на руки, потащило в кусты.

При ярком свете было ясно видно, как барахталась и отбивалась Мира. А высокая белая женщина бросилась следом за ними, что-то крича и размахивая руками. Потом она упала на колени и протянула руки к убежавшему чудовищу с крыльями. Она точно молила его оставить девочку.

Марго захотелось выскочить из домика и бежать на поляну спасать Миру. Но тут свет на поляне внезапно погас. А когда он снова загорелся, то уже ни Миры, ни страшного существа не было. Только одна белая фигура носилась по поляне, то поднимая и заламывая руки, то падая на колени.

И вдруг на поляне вокруг белой фигуры очутились два небольших серых четвероногих существа с острыми мордами и горящими, как свечи, глазами.

– Волки! – прошептала в ужасе девочка, хватаясь за голову. – Волки, живые, настоящие волки!

В тот же миг звери неожиданно завыли на весь сад.

Откуда-то, из чащи, снова выскочило крылатое существо и запрыгало между волками и женщиной.

Но Марго уже не смотрела, что было дальше. Она вскочила с дивана, быстро накинула на себя платье, дрожащими руками натянула ботинки, бросилась к двери и очутилась на крыльце.

Не глядя на освещенную поляну, не слушая волчьего воя

и раздававшихся человеческих всхлипываний, Марго бросилась под тень деревьев. Она знала, что главные ворота закрыты в эту ночную пору и через них немислимо выбраться из сада. Но, гуляя сегодня днем по саду с Мирой, девочка заметила, что в одном углу сада не хватает двух столбиков в изгороди и решила теперь воспользоваться этой лазейкой.

Вот она добежала до этой лазейки и вмиг очутилась за оградой сада. Вот она уже бежит под гору, к берегу, где привязаны у мостков рыбачьи лодки и где сами рыбаки, может быть, заступятся за нее и укроют от страшных зверей, все еще воющих за ее спиной...

Глава XIV

На берегу моря

– Вот и берег! Слава Богу!

Луна выплыла из-за облаков и освещает дорогу. Море кажется серебряным под мягкими лучами месяца. От вчерашней бури и волнения не осталось и следа.

Рыбачьи лодки мирно покачиваются у мостков, привязанные к столбам толстыми веревками и цепями.

Марго печально вздыхает при виде этих пустых лодок, залитых, как и море и берег, лунным сиянием. Она надеялась увидеть здесь рыбаков, но теперь уже ночь и все они отдыхают вон там, в дальнем рыбацьем поселке.

Когда Марго поняла это, она решила, что лучше всего будет, если она направится к поселку и попросит у рыбаков разрешения переночевать у них.

«А завтра утром, – подумала девочка, – расспрошу у них, как добраться до города».

И, решившись, Марго храбро пошла вперед.

Страшный вой давно затих уже за ее спиной. Замолкли и человеческие голоса. Она оглянулась не без страха в сторону дома, где живет Мира. Там тоже было тихо и темно.

«Кто же, – опять подумала девочка, направляясь к рыбацьему поселку, – было это странное темное крылатое чудовище, которое прыгало по поляне,хватило Миру из рук бе-

лой женщины и утатило ее в чащу? И каким образом могли очутиться там волки? Хорошо было бы дождаться до утра и расспросить обо всем Миру. Но теперь уже немислимо вернуться туда. Что, однако, подумает обо мне Мира! Она подумает, что я неблагодарная девчонка. Я убежала, не простившись и не поблагодарив ее за гостеприимство! Ах, как это нехорошо! Но что мне было делать, когда я так испугалась волков. Они ведь растерзали бы меня!»

Так думала Марго, все больше удаляясь от берега и постоянно оглядываясь назад.

Когда дом Мира исчез вдаль, девочка вздохнула и довольно громко прошептала:

– Милая Мира, до свидания! Может быть, когда-нибудь еще встретимся с тобой. Я очень, очень благодарна тебе. Ты приютила меня, после того, как я тонула в море, ты согрела меня и накормила. Спасибо!

И, проговорив это, Марго стала подниматься в гору, где в окне одного из домиков сверкал и дрожал огонек.

Глава XV

Усадьба

Ночь была тиха и безветренна, но холодна и сыра по-осеннему. Марго дрожала в своем легком платьице. Ее зубы стучали. Руки и ноги окоченели. Она с трудом продвигалась вперед. Поселок был еще далеко.

Но что это такое? Прямо перед ней, словно из-под земли, выросла красивая маленькая усадьба, окруженная прямыми, как столбы, соснами. Вокруг усадьбы не было никакой изгороди, и она казалась приютившейся на опушке небольшого соснового бора, который своей мохнатой щетиной покрывал гору. А там, сзади, внизу – блистало в лучах месяца спокойное, тихое безбрежное море.

Марго, ни о чем в этот миг не думая, скользнула в сень росших вокруг дома сосен. Вот и светящееся окно. Оно не завешено, несмотря на поздний час. Около окна снаружи стоит дерновая скамейка.

С трудом двигая заочневшими руками и ногами, Марго влезает на эту скамейку и заглядывает в комнату. У письменного стола, как раз против окна, сидит молодая, худенькая женщина в темном фланелевом халате. Она что-то пишет, изредка вскидывая глаза в окошко. Марго отлично видит ее добрые, ласковые глаза и склоненную над столом фигуру.

«Почему бы не попросить у нее позволения переночевать

тут нынешнюю ночь?» – промелькнула мысль в голове Марго.

И девочка, не понимая, что она делает, робко постучала в окошко.

Дама испуганно вскочила со стула, выронив из рук перо, которым только что писала. Она нерешительно направилась к окну и тревожно посмотрела на светлый, освещенный лунной двор.

В ту же минуту близко залаяла, по-видимому, очень большая собака, а с находившейся тут же, в комнате, постели приподнялась кудрявая детская головка. И заспанный головок спросил:

– Ты не спишь еще, мамулечка?

– Спи, детка, спи! Я сейчас вернусь, – тревожно проговорила дама и, взяв со стола свечу, вышла из комнаты.

В коридоре огромная мохнатая, желтая с белым, собака бросилась к ней навстречу.

– Сюда, Джек, – проговорила дама, захватив рукой ошейник огромного сенбернара и вместе с ним через ряд небольших комнат прошла на крыльцо дома.

Глава XVI

Марго оставлена ночевать

– Боже мой! Откуда ты взялась, девочка? Одна... ночью... и такая крошка! – с тревогой обратилась хозяйка усадьбы к все еще стоявшей под окном Марго, в то время, как огромный пес кинулся к ней со всех ног и в один миг обнюхал ее лицо, руки и ноги.

– Пустите меня, пожалуйста, переночевать к вам. Я не бродяжка... – произнесла слабым, чуть внятным голосом Марго, поднимая молящие глаза на даму.

Та внимательно оглядела девочку.

«Ну, конечно, не бродяжка. Таких правдивых, честных глазок, такого милого личика не бывает у бродяжек и воровок», – подумала дама. И, не спрашивая ни о чем девочку, она обняла ее и провела в дом. В большой гостиной было тепло и уютно.

– Посиди здесь, а я принесу тебе поесть. Мы только сегодня вечером переехали сюда.

Дама ушла, оставив Марго сидеть в огромном мягком кресле недалеко от тлеющего камина. После всего пережитого за этот вечер, после нескольких часов, проведенных под открытым небом, на холоде и в сырости, тепло, распространяемое камином, не только не согрело девочку, но даже неприятно на нее подействовало. Ей стало страшно жарко,

закружилась голова, какая-то дрожь почувствовалась в спине, и Марго вдруг перестала что-либо соображать, задремала и точно поплыла куда-то далеко-далеко...

Когда хозяйка дома вернулась с хлебом, сыром и молоком на подносе, маленькая гостья сразу же испугала ее своим видом. Все лицо Марго пылало, она тяжело и хрипло дышала. Губы шептали что-то бессвязное, отрывистое...

– Боже мой! Да она больна, эта девочка! – прошептала испуганно молодая дама и приложила руку ко лбу Марго.

Голова Марго пылала от жара...

Всю ночь бредила и металась Марго в постели хозяйки усадьбы. На утро жар спал немного, и девочка открыла изумленные глаза.

– Где я? – прошептала она запекшимися губами и тотчас же заметалась в постели, словно собиралась немедленно уйти отсюда. – Мне надо ехать... в город... Меня там ждут... на место... Может быть, я уже опоздала и там уже взяли вместо меня другую компаньонку... – говорила она, волнуясь.

– Успокойся, моя крошка, тебе никуда не надо идти. Ты должна сначала хорошенько отлежаться и поправиться, а потом уже подумаешь о поступлении на работу, – глядя черные локоны Марго, уговаривала ее дама, хозяйка усадьбы.

– Мамочка, можно к ней? – послышались за дверью звонкие детские голоса.

И два черноволосых мальчугана и маленькая девочка просунули головки в щель двери.

– Нет, нет, детки, постойте! – с тревогой в голосе воскликнула дама.

– Я боюсь, чтобы у нашей неожиданной гостьи не оказалось какой-нибудь прилипчивой детской болезни; я уже послала в город за доктором и если...

– Мамулечка, да ведь это она! – раздался полный неожиданности громкий и веселый возглас одного из мальчиков.

– Кто она? – не поняла мать.

– Ну, да, она... она, мамочка, та самая девочка, которая ехала с нами вместе на пароходе и которую все считали утонувшей. Не правда ли, это она, Коля?

– Она... Я как вошел, так сразу и узнал! – подтвердил второй мальчуган.

– Тише! Вы ее взволнуете только. Вот несносные, право! – строго погрозила пальцем обоим братьям худенькая девочка.

Те сразу притихли и подошли к постели, на которой лежала едва очнувшаяся Марго.

Она в свою очередь узнала мальчиков и с улыбкой кивнула им головой.

– Лежите, лежите спокойно! Надо, чтобы вы поправились поскорее, – первый проговорил Коля. – Потому что мы Должны показать вам, как умеет служить Джек, – вставил Леня. – Джек, служи! – неожиданно приказал он великану-псу. – Сахару получишь!

Но тот только махнул хвостом и подошел к самой постели Марго, будто недоумевающая, что тут делает эта чужая девочка.

– Ну, дети, и ты, Джек, – марш отсюда! Нашей гостье нужен покой, когда она поправится и встанет с постели, тогда милости просим к нам, – весело и бодро проговорила Лариса Павловна Баратова.

– Ой, нет! Долго ждать... – протянул Леня.

– Лучше поздно, чем никогда, – серьезно и наставительно проговорила восьмилетняя Нуся так, что братья, а за ними и Лариса Павловна, невольно рассмеялись ее тону.

– Ну, дети, ступайте отсюда, если хотите, чтобы ваша маленькая гостя скорее выздоровела, – уже строго проговорила госпожа Баратова. И когда детвора с Джеком вышла, наконец, из спальни, Лариса Павловна вернулась снова к постели больной и принялась ухаживать за Марго, словно за родной дочерью.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Глава I

Марго в семье Баратовых

Вот уже две недели живет Марго в доме Ларисы Павловны. Первые дни своего пребывания тут она пролежала больной. Болезнь у нее была серьезная. Но добрая Лариса Павловна так умело ухаживала за Ларго, что та скоро начала выздоравливать. Теперь от болезни остаюсь лишь слабость и кашель. Но и это уже проходит.

Марго только ждет письма от отца Коли, Лени и Нуси. Он обещал ей узнать о ее будущей хозяйке и спросил, когда та ждет к себе в дом Ларго, приглашенную к детям маленькой гувернанткой.

Марго чувствует себя здесь прекрасно. Все так добры к ней. И сама Лариса Павловна, и Нуся, и мальчуганы. Даже гувернер, месть Мишель, и Фанни.

Но все же Марго не весело. Она не может забыть, что живет в чужом доме, где ничего не делает, а только ест, пьет и спит. Часто ей становилось даже очень грустно.

«Как только придет письмо с разрешением приехать, я сейчас же покину этих добрых людей и направлюсь к новой

хозяйке», – думала она, сидя у окна и глядя на дорогу.

Раз к Марго, задумчивой и грустной, подскочил Леня.

– Что с вами? Почему вы такая печальная?

– Не грустите, Маргошечка, а то и мне будет грустно, – пристала к ней и Нуся.

– Мы к вам привыкли и относимся как к родной, а вы никогда и не пошутите и не посмеетесь с нами, – добавил Коля.

– Мадемуазель Марго, верно, думает о своем отъезде, – заметил старик Мишель, услышав разговор детей с девочкой.

– Как? Разве вы думаете от нас уехать? – сделавшись сразу серьезными, задали дети Марго вопрос.

Та не спешила с ответом, только смотрела на них грустнее, чем прежде.

Леня, постояв немного возле Марго и, не желая больше надоедать ей, повернулся и направился к двери.

– Мамочка, мамулечка, дай мне чаю! Поско-рее... – запел он, запрыгав из шалости на одной ноге.

Но шалунишка сразу умолк, столкнувшись в дверях с матерью. В руках Ларисы Павловны было видно только что полученное, еще не распечатанное письмо.

– Всегда ты наскочишь на кого-нибудь, – добродушно пожурила Лариса Павловна мальчика и, отстранив его рукой, вскрыла письмо и стала его читать.

Глава II

Марго остается у Баратовых

– Дети, это письмо от папы, – сказала Лариса Павловна, прочтя письмо. – Он спрашивает, как вы учитесь, как вы гуляете, не ссоритесь ли между собой. Тут написано и о вас, милая Маргарита... Мой муж ходил по вашей просьбе узнавать про ту русскую даму, к которой вы собирались ехать служить... Оказывается, в ее семье стряслось большое несчастье. Маленькая девочка, к которой вас пригласили в компаньонки, внезапно заболела опасной болезнью и умерла...

– Умерла! – с широко раскрытыми глазами прошептала Марго, меняясь в лице от волнения.

Помимо того, что ей было бесконечно жаль незнакомую девочку, безвременно погибшую, Марго не могла не подумать и о себе. Ведь со смертью этой девочки она лишалась места, на которое так надеялась по пути из своей милой Франции.

«Что же будет теперь со мной?» – подумала она, и слезы навернулись на черные глазки. – «Что будет со мной, куда я пойду теперь? Куда денусь без денег?»

Лариса Павловна точно угадала, какие грустные мысли волнуют сейчас Марго.

– Милое дитя, пойдите со мной в мою комнату. Там вы

успокойтесь, – проговорила она, ласково беря девочку за руку и направляясь с ней в свою спальню.

Здесь она все еще взволнованную и потрясенную девочку усадила в кресло и, опустившись на стул против нее, заговорила снова, глядя лежащие у ней в руках маленькие ручонки Марго.

– Вот что, милая Маргарита, вот, что я хочу предложить вам... Я и мои дети успели так привязаться к вам за эти несколько недель, точно вы целый год у нас прожили. И я прошу вас не уезжать от нас. Проведите тут с нами все время, которое нам с Нусей предписано докторами провести здесь, у моря, среди сосен и гор. Вы так порадуете мою девочку, если согласитесь на это. Тут у нее нет ни подруг, ни знакомых сверстниц. С Фанни ей далеко не так приятно и весело, как с вами. Вы будете маленькой гувернанткой для моей девчушки. Большого жалованья я вам платить не могу, но вы будете получать столько же, сколько получает Фанни. Согласны?

Как могла не согласиться на такое предложение Марго? Она вся так и просияла от радости, услышав это. Глаза ее заблестали, и она готова была броситься на шею доброй Ларисе Павловне.

– Благодарю вас! О, благодарю вас! – только и смогла прошептать счастливая девочка.

– Согласны? Ну, вот и прекрасно! А теперь идем объявить об этом детям. Они будут не менее счастливы, чем вы.

И, обнявшись, как родные, Лариса Павловна и Марго про-

шли в столовую.

Баратова не ошиблась, говоря, что весть о поступлении к ним в дом Марго доставит ее детям огромное удовольствие. Те, действительно, пришли в неописуемый восторг. Нуся то кружилась волчком по комнате, то кидалась на шею Марго и душила ее поцелуями, а мальчики кричали «ура!». Джек, подражая своим юным хозяевам, тоже выражал свой восторг, кидаясь поочередно на мальчиков и на Марго, и стараясь лизнуть их в лицо.

Глава III

Странный незнакомец

– Служи, Джек! Служи, бездельник ты этакий! – кричит Леня и грозит пальцем перед самым носом добродушного сенбернара.

– Покажи ему сахар! Ты не так делаешь, грубостью ты от него ничего не добьешься, – советует брату Коля.

– Ну, вот еще! За сахар тебе и палка будет служить! Надо его заставить проделать все без сахара, – настаивает Леня.

Джека этот разговор как будто не касается вовсе; он отворачивает свою огромную черную голову и делает вид, что очень заинтересован большой осенней мухой, которая жужжит и кружится над ним.

На дворе довольно холодно, по-октябрьски, но солнце светит с безоблачного неба и под его лучами не ощущается поздней осени. Мальчики возятся с собакой перед домом, а Мишель в пальто с поднятым воротником читает на крыльце газету.

Лариса Павловна дома и, как обыкновенно в это время, занимается с Нусей. Марго и Фанни чистят бруснику, только накануне собранную ими в лесу недалеко от дома.

Видя, что дело не клеится, что Джек упорно отказывается служить, Коля подходит к брату и говорит:

– Ну, вот, ничего и не выходит, принеси-ка лучше сахару,

Леня, не упрямясь!

Ер Леня, очевидно, согласился с братом, что только сахар может сломить упорство Джека, очень падкого до всяких лакомств. Он оставил собаку и направился к крыльцу, чтобы принести угощение для Джека. Но в ту же минуту последний тревожно поднял морду и громко залаял. Не успел Коля оглянуться, как высокий человек в плаще и широкополой шляпе выступил из-за стволов деревьев.

Джек так порывисто бросился на незнакомца, что едва не сбил его с ног.

– Не бойтесь, он не кусается! Не бойтесь! – поспешил успокоить неизвестного посетителя Коля и тотчас же отозвал сенбернара:

– Сюда, Джек! Назад!

Но незнакомец, по-видимому, и не думал бояться собаки. Несмотря на то, что Джек угрожающе скалил зубы, господин старался схватить его за ошейник. Это, правда, ему не удалось, но он успел несколько раз погладить по голове ворчавшего на него Джека.

– Славный пес, чудесный! – бормотал незнакомец, запуская руку в пушистую шерсть сенбернара.

– Да, он очень красив, – подхватил с заметной гордостью Коля.

Незнакомец улыбнулся и обратился к мальчику, приподняв немного шляпу: – Я, собственно, ради вашего Джека и явился сюда. Я явился с большой просьбой: уступите его мне

на некоторое время. Я верну его вам с благодарностью.

Коля был поражен неожиданным заявлением неизвестного господина. В это время из дома вышел Леня. Узнав, зачем господин этот явился сюда, он возмущенно воскликнул:

– Как! Отдать Джека в чужие руки! Ни за что!..

– Но я вам верну его, понимаете, верну! – настаивал незнакомец. Разговор донесся до сидевшего на крыльце и углубленного в газету Мишеля. Гувернер, увидев, что его воспитанники с кем-то серьезно спорят, поднялся со стула и быстрым шагом направился к детям и их таинственному собеседнику.

Но едва только он сошел с крыльца, как незнакомый господин кивнул головой в знак прощания и, запахнув свой плащ, стал быстро удаляться, оставив в совершенном недоумении гувернера и мальчиков.

Глава IV

Джек исчезает

С начала октября пошли дожди. По небу ползли тяжелые тучи, солнце совсем не показывалось. Ночи становились все длиннее и длиннее. Выл ветер и качал оголившиеся деревья. В одну из таких ночей Марго, спавшая на диване за ширмами в столовой, проснулась от лая Джека.

Джек обыкновенно спал на веранде, наружная дверь которой оставалась всегда открытой. Иногда чуткий пес, услышав подозрительный шорох на дворе, поднимался, открывал лапой дверь, выходил осматривать двор и сад, все ли там в порядке, и, успокоившись, возвращался на свое место и опять засыпал.

Но в ту ночь Джек особенно громко и тревожно лаял и, казалось, не мог никак успокоиться.

«Странно, почему он так лает?» – подумала проснувшаяся Марго. Она знала, что умная собака даром поднимать тревоги не станет. Значит, что-то случилось, и Марго решила встать и узнать, в чем дело. Не откладывая ни на минуту, она накинула на себя платье, натянула чулки и башмаки и прошла на веранду. Но там Джека не было. Тогда она вышла на крыльцо и закричала:

– Джек! Домой!

Но каково же было удивление девочки, когда она вместо

рыже-белого Джека увидела в кустах незнакомую большую черную собаку.

И только минутой позднее откуда-то показался Джек, заливавшийся страшным лаем. Лаяла отчаянно и черная собака.

Марго стояла на крыльце, не зная что делать. Но вот из-за деревьев выступила высокая фигура в темном плаще и в нахлобученной на лицо шляпе.

– Джек! Руфф! – позвал вдруг громким шепотом человек в плаще, и обе собаки кинулись к нему, не переставая лаять.

Марго продолжает наблюдать и видит, как незнакомец вынимает что-то из кармана и протягивает Джеку, который машет хвостом, присев на задние лапы перед ночным гостем. Сидит и черная собака и тоже хлопает ушами и бьет о землю хвостом.

Видно, что собаки, особенно Джек, весьма довольны угощением и ласковым шепотом, на который не скупится незнакомец. Но вот он делает несколько шагов назад и исчезает за деревьями. Черная собака бросается за ним, а ее примеру следует и Джек.

Тут только Марго приходит в себя.

– Джек! Джек! – кричит она. – Джек! Джек! Джек!

Но Джек, видно, и не думает откликаться на громкий зов девочки.

Увлеченный неожиданным знакомством с новым товарищем и как бы замороженный ласковым обхождением незна-

комца, Джек сразу забыл свою верность старым хозяевам.

Но зато на крики Марго выбегает Фанни и сторож Филипп. Оба они заспаны, взволнованы.

– Что такое? Что случилось? Что вы кричите, мадемуазель Марго? – удивленно тянет Филипп.

– Джека увели! Джека украли! – с дрожью произносит девочка. – Вот туда, – показывает она по направлению того места, где исчез странный ночной посетитель с обеими собаками.

– Кто украл? Кто увел? – кричит Филипп, тоже не знающий, что предпринять сейчас.

Марго рассказывает ему все, как было, рассказывает про черную собаку и про приманку, благодаря которой незнакомцу удалось увести Джека.

– А какой он с виду-то? – снова спрашивает Филипп.

– Высокий, широкоплечий, в плаще и в низко опущенной на глаза шляпе, – все также волнуясь, пояснила Марго.

– Да ведь это он! – ударив себя по бедрам, громко вскричал Филипп.

– Это он, он! – подхватила тут Фанни, и лицо ее совсем побелело.

– Кто он? – удивленно спрашивает маленькая француженка.

– Он! Он! – повторяла Фанни, дрожа всем телом. – Этот тот самый, который живет недалеко... в Замке...

Глава V

На поиски за Джеком

На следующее утро, как только все проснулись, началось общее волнение и беспокойство за участь Джека.

– Его надо найти! – плакала Нуся. – Я не могу без моего Джекиньки. Найдите его! Найдите!

– Ну, да, конечно, мы найдем его, только успокойся! – утешал сестру Коля. – Найдем ведь? – обратился он к гувернеру.

– Какие еще могут быть тут сомнения! Найдем непременно, – подхватил старый швейцарец. – Коля! Леня! Живо! Сейчас же идем на поиски Джека!

Он первый схватил свой непромокаемый плащ, шляпу и зонтик и чуть ли не бегом спустился с крыльца. За ним, прыгая козликами, побежали его воспитанники.

Сегодняшний день казался лучше, яснее, теплее предыдущих. Небо после долгих дождей, наконец, прояснилось, и солнце приветливо улыбалось морю, холмам и зеленым соснам.

– Чудесный денек! – восторгались мальчики. – Если бы всю осень простояли такие! Мама чувствует себя отлично в такие дни. И Нуся тоже.

– Доктор, когда осматривал их в последний раз, сказал, что чем дольше мы проживем в Финляндии, тем будет лучше для нашей милой мамулечки и сестренки, – болтал Коля, не

переставая в то же время тщательно разглядывать каждый кустик, каждое деревце, попадавшееся им по дороге.

Мальчику все казалось, что вот-вот вынырнет откуда-нибудь их общий четвероногий любимец и бросится к ним с радостным лаем, как бы прося прощенья за свой необдуманый поступок. А Леня, повисший на руке старика Мишеля, говорил в это время:

– Если Джек нигде не найдется, то значит Марго не показалось, и его, действительно, увели от нас. Тогда придется обойти все соседние дачи...

Ты хочешь сказать, объехать, мой мальчик, потому что каждая из них находится на несколько миль одна от другой, – поправил мальчика гувернер.

– А мне думается, что Марго права, что Джека, действительно, увел господин, который живет вон там под горой, – заметил Коля.

Старик Мишель при этих словах задумался и сказал:

– Весьма возможно! Если все так думают, то, может быть, следует с него и начать. Пойдем к нему туда. Что вы скажете, мои друзья, на это?

Но «друзья» только кивнули головой в знак согласия, и все трое бодро зашагали по направлению к дому господина, который всем жителям местности казался очень странным.

Глава VI

В «Замке» никого нет...

– Эй! Кто там? Эй! Открывайте же! – кричал Мишель, стоя у ворот дачи, которую окрестные жители почему-то называли «Замком».

Коля и Леня тоже стучали тросточками о решетчатую ограду дачи.

– Никого, видно, нет, – произнес, волнуясь, старший мальчик, оглядывая стоящие за оградой сосны, березы и кусты.

Напротив, мой мальчик, я более чем уверен, что там кто-нибудь есть... Смотрите, между деревьями пробирается садовник или сторож...

Действительно, вдали медленно плелся старый Питер с трубкой во рту, с косой на плече и в широкополой шляпе. Но он как будто не замечал неожиданных гостей.

Видя, что старик намерен пройти мимо и каждую минуту может скрыться за деревьями, Мишель приставил ко рту руку и закричал:

– Эй! Как вас... Постойте... Подождите... Да постойте же... вам говорят! Наконец, глуховатый Питер расслышал и остановился.

– Господи, какой старый! – удивился Леня, – ему, наверное, сто лет.

Послушайте, любезный старичок, – обратился Мишель к

подошедшему к калитке вплотную и почтительно снявшему перед ними шляпу Питеру. – Вы понимаете, конечно, по-русски?

Но тот молчал и только удивленно смотрел старыми, подслеповатыми глазами на швейцарца.

Мишель повторил свой вопрос громче. Но и теперь старик как будто ничего не расслышал.

Тогда раздосадованный швейцарец закричал еще громче: – Вы по-русски говорите, спрашиваю я вас, любезный?

На этот раз старик расслышал.

– Немножко, немножко, – забормотал он в ответ.

– Ага! Наконец-то! Ну, это хоть несколько облегчит нашу задачу, – заметил мальчишкам гувернер.

И, обращаясь снова к финну, спросил:

– Не видали ли вы, любезный, большой рыжей собаки с белой грудью и белыми же лапами? Его увел высокий господин, который, как нам сказали, живет здесь.

Мишель выговаривал каждое слово так громко и так выразительно дополнял свой крик соответствующими жестами и мимикой, что Питер расслышал и понял все. Его подслеповатые глаза оживились и блеснули тревогой. Он вынул трубку изо рта, сплюнул в сторону и, коверкая слова по-русски, ответил:

– Господина нету и собаки тоже нету. Собаки не видел, а господин вчера уехал в город, совсем уехал, навсегда, со всем семейством.

– Так почему же, если он уехал и у вас никого нет на даче, идет из трубы дома дым?

– Потому что топят! Я себе кушать варю... – засюсюкал Питер под носом.

– Ну, мы ничего не добьемся от этого старца, идем домой, – неожиданно решил Мишель, махнув рукой.

– А как же Джек? Где же мы будем его искать? – встрепетнулись при этом мальчики.

– Придется подождать с Джеком, детки. Мы его, по всей вероятности, найдем здесь. Но это будет не так легко. А что здесь преблагополучно живут хозяева, я готов побиться об заклад...

– Но как же старик говорит, что хозяин уехал в город? – начал было Коля.

Но гувернер его прервал:

– Мало ли что он говорит. Он именно хочет уверить нас в том, что здесь никто не живет, кроме него самого, варящего себе «кушать». Стал бы этот старина только ради себя плиту топить! Да живет он, наверное, не в самом доме, а в сторожке. Там бы ему и готовить обед себе! По всему видно, что наш Джек находится именно здесь, а не в другом месте.

– Но, как же быть? – живо заинтересовались мальчики.

– А вот, как быть, друзья мои. Я сделаю вид, что поверил словам старика, и мы уйдем отсюда. А завтра вернемся снова и проникнем в «Замок» во что бы то ни стало. Так, друзья мои? Да?

– Так, так! – поспешили согласиться со своим гувернером мальчишки и кинулись прочь от ворот «Замка».

Когда старик-швейцарец и его воспитанники удалились, кусты за оградой «Замка» раздвинулись и из-за них вышел высокий, широкоплечий человек в плаще, в низко нахлобученной на лоб шляпе.

– Питер! Сюда! Где вы? – громко позвал он финна. Старик тотчас же приблизился к господину.

– Вы отлично исполнили мое приказание, Питер, – дружески ударив его по плечу, произнес он, – и вы за это будете щедро награждены. Необходимо, чтобы все знали, что нас здесь нет, пока мы не вернем сенбернара. Поняли меня?

Питер хорошо понял, что ему говорили, и твердо помнил еще вчерашнее приказание хозяина, который ему толком разъяснил:

– Питер, кто бы ни спрашивал хозяина этой дачи, давайте один и тот же ответ: в доме нет ни души, хозяева уехали в город. А если спросят, где собака, то уверяйте всех, что никакой собаки вы не видели, ни о какой собаке не слыхали и не понимаете, почему ее тут ищут.

Глава VII

Прерванная прогулка

Каждое утро Лариса Павловна гуляла с Нусей в лесу. Этим прогулкам мешал только дождь; холода же и ветра ни мать, ни дочь не боялись; они лишь теплее одевались, выходя из дому в такую погоду.

Это делалось по предписанию доктора, который находил, что Лариса Павловна и Нуся должны чаще и больше дышать чистым воздухом соснового леса. Но сегодня Лариса Павловна чувствовала себя нездоровой и не могла выйти на прогулку вместе с Нусей. Чтобы девочке не было скучно гулять одной в лесу, с ней пошли Марго и Фанни. – Пусть каждая из нас расскажет про свою жизнь, – сказала вдруг по дороге Нуся, которая очень любила поболтать.

Марго сейчас же согласилась, но Фанни заявила, что она ничего интересного про себя поведать не может и что, кроме того, она плохо говорит по-русски, а потому ее слушать будет незанимательно. Девочки поняли, что юная финка права, что ей не о чем рассказывать, и не стали ее спрашивать.

Итак, про свою жизнь должны были рассказать только Нуся и Марго.

– Кому же первой начать? – спросила Нуся.

– Могу я! – ответила Марго, которой хотелось сделать прогулку интересной для своих спутниц.

Девочки обрадовались и заявили, что будут слушать юную француженку с большим вниманием, и Марго начала свой рассказ.

Она подробно рассказывала про свою жизнь в Париже в то время, когда была еще жива ее мать.

– Потом, – продолжала Марго, – мы с мамой поехали в Россию. По дороге случилось большое несчастье: наш поезд сошел с рельсов, вагоны опрокинулись и много пассажиров и пассажирок погибло. В числе погибших была и моя мама. Ах, что я пережила в тот день!

При этих словах у юной француженки показались на глазах слезы, она вынула из кармана платок, чтобы вытереть их. Но в ту же минуту в ближайшем кустарнике раздался дикий, пронзительный вой. Казалось, в чаще леса завыл голодный волк, вышедший за добычей. С отчаянным криком Нуся бросилась в сторону, закричав не своим голосом:

– Ай! Ай! Ай!

Фанни, испуганная не менее Нуси, не знала, что делать, что предпринять, и не была в состоянии двинуться с места. А страшный вой все продолжался. Но вот Фанни внезапно пришла в себя. С вытаращенными от страха глазами, с белым, как мел, лицом, она схватила за руку кричавшую Нусю и понеслась с ней обратно по дороге к дому.

А Марго, увидев, что ее спутницы в безопасности, захотела узнать чем дело и осталась на том же месте, на котором их застал страшный вой из кустарника.

Но вот и ей стало страшно в лесу, и она решила пуститься вслед а Фанни и Нусей, мчавшимися со всех ног к дому.

Марго уже сделала несколько шагов назад, как вдруг, совсем неожиданно для нее, какой-то человек преградил ей дорогу. В то же время сильная рука схватила ее за руку. Она поневоле должна была остановиться. Марго подняла глаза и едва удержалась от охватившего ее испуга.

Глава VIII

Разговор с незнакомцем

– Не бойся меня, куколка, – произнес очутившийся перед Марго незнакомец. – Не бойся ничего, деточка, я не обижу тебя. Я нарочно кричал в лесу, подражая волчьему вою, чтобы испугать твоих подруг и заставить их бежать. Мне нужно поговорить с тобой наедине. Что ты скажешь, если я попрошу тебя придти ко мне вечером, когда все у вас улягутся спать? Ведь ты, как вижу, большая умница и догадываешься, куда я тебя зову?

Да, конечно, Марго догадывалась, куда ее звал незнакомец. Ведь это был хозяин «Замка» или страшный колдун, как его называли рыбаки и Фанни. Хотя Марго хорошо знала, что колдунов не бывает, что только в сказках описываются разные проделки колдунов, все же ей вдруг сделалось очень страшно. Она побледнела и задрожала.

– Нет, нет, пустите меня! Ради Бога, пустите меня! – закричала стараясь вырваться из его рук, крепко державших ее за плечи. – Я не пойду к вам... Вы нехороший! Вы похитили у нас Джека, вы... говорите неправду... Я боюсь вас... Оставьте меня, ради Бога, оставьте!..

В эту минуту пальцы незнакомца неожиданно разжались, и Марго очутилась на свободе.

– Фанни! Нуся! Подождите меня! – закричала она на весь

лес, пустилась вдогонку за убежавшими спутницами.

Незнакомец пустился было вслед за ней, но тотчас же остановился.

– Глупая девчонка! Она не понимает, как была бы счастлива, – произнес он про себя, глядя вслед убежавшей от него Марго. – Но она ж таки должна прийти ко мне. Более подходящей, чем эта девочка, я никогда не найду. Она хороша, как маленькая принцесса, и если все что она рассказывала своим спутницам, правда, то она удивительный ребенок, умеющий глубоко все переживать и чувствовать. Словом это такая девочка, какую я так долго и напрасно ищу...

Но тут незнакомец насторожился. Вдали показались старик Мишель и мальчики. Заметя их приближение, он бросился в глубину леса.

Нуся и Фанни прибежали домой бледные, растрепанные и усталые. Лариса Павловна встретила их в передней. Их вид ее сильно обеспокоил.

– Что с вами? Что случилось? – спрашивала она девочек.

Те рассказали, что, гуляя в лесу, услышали волчий вой и еле добежали до дачи.

– А где же Марго?

– Не знаем, она осталась в лесу...

Но в эту же минуту показалась и Марго, такая же усталая и растрепанная, как Нуся и Фанни. Она вошла в комнату и села на стул. Желая узнать более подробно о случившемся, Лариса Павловна присела против Марго и начала ее расспра-

шивать.

– Мы гуляли вдвоем и за разговором не заметили, как удалились довольно далеко, – отвечала Марго. – Вдруг раздался ужасный крик, очень похожий на вой волка. Нуся и Фанни бросились бежать, а я, видя, что они успеют спастись, решила остаться на минуту и узнать, что это за крик...

– Ах, дорогая моя, славная! – вдруг прервала Лариса Павловна девочку и схватила ее за руку. – Я понимаю, вы хотели, чтобы волк набросился на вас и оставил в покое убежавшую Нусю... Я понимаю...

Марго поспешила уверить Ларису Павловну, что она вовсе не думала совершить такой подвиг, что все произошло само собой, но та ей не поверила и в благодарность за желание спасти Нусю, крепко ее поцеловала.

Глава IX

Храбрый Мишель

Вечером, за чаем, рассказам не было конца. Фанни и Нуся не заметили незнакомца, а Марго решила умолчать об этой встрече. Но Фанни не могла забыть, как страшен был волчий вой, и чуть ли не в сотый раз принималась рассказывать про то, как они испугались в лесу и как бросились бежать.

Мишель и мальчики тоже говорили о случившемся. Они тоже слышали вой и бросились в лес на выручку к гулявшим. По дороге они встретили бегущих девочек, но продолжали искать волка, которого Мишель думал застрелить из своего револьвера. Однако волка не оказалось нигде.

Лариса Павловна слушала рассказчиков и рассказчиц и подшучивала над ними.

– Никакого волка, верно, и не было. В этих лесах волки и не водятся, – говорила она. – Вы, должно быть, слышали пароходный гудок и приняли за волчий вой. Даром только прервали прогулку...

– Весьма возможно! – воскликнул в ответ старик Мишель. – И как это я сразу не понял?

После ужина все разошлись спать. Легла и Марго. Она долго лежала с широко раскрытыми глазами в этот вечер. И помимо воли, встреча с неизвестным странным человеком и его необыкновенные речи так и лезли ей в голову, так и не

выходили из памяти.

«Зачем я понадобилась ему? Куда и зачем он меня звал? Ах, как все это странно», – думала Марго, пока, наконец, сон не подкрался к ней, и она не заснула.

Глава X

Раннее пробуждение

Марго проснулась от странного ощущения. Кто-то крепко и сильно тряс ее за плечи.

– Проснитесь, проснитесь! – шептал над самым ее ухом взволнованный голос.

Марго с трудом приоткрыла глаза. Было, по-видимому, еще рано. Солнце едва проникало своими бледными лучами в окно.

У постели Марго стояла смертельно бледная Фанни. Размахивая руками и страшно волнуясь, она шептала:

– Они там... Они там... Что-то такое делают. Встаньте, посмотрите... Мне страшно...

– Кто делает? Что делают? – удивленно переспросила Марго, окончательно просыпаясь и усаживаясь на постели.

– Они... Они... Колдун из Замка и другие! Марго быстро оделась и подошла к окну.

Застегнув наскоро крючки на своем темном платье, она отдернула занавеску и подняла шторы.

– Ах! – могла она только воскликнуть.

Ее глазам представилась странная картина. Она прежде всего увидела своего вчерашнего собеседника, «колдуна из Замка», как его называла Фанни.

Он стоял на берегу, хлопоча около какого-то странного

предмета, похожего на ящичек и поставленного на камень. Этот предмет в виде ящика был уже знаком Марго: она видела его в ту ночь, когда очутилась в саду страшного человека, куда привела ее Мира, ее спасительница. Около этого человека теперь прыгал и суетился Джек... Да, Джек, которого все в доме Ларисы Павловны считали уже потерянным...

– Смотрите на море, на лодку, смотрите! – продолжала лепетать Фанни, тормоша Марго.

Марго взглянула по указанному направлению и замерла от удивления.

От берега к морю плыла лодка, плыла от того места, где находился незнакомец со своим странным предметом, а подле него то и дело, порываясь в воду, кружился Джек.

В лодке находилось трое людей. Трое странных людей, одетых в какие-то лохмотья, со странными зверскими лицами и с ножами, заткнутыми за пояс. Они были очень похожи на разбойников, изображаемых на картинах. А между ними находилась прилично одетая девочка. Девочка то металась от одного оборванца к другому, то падала среди лодки на колени и с мольбой протягивала руки.

Сидящие в лодке люди толкали ее от себя. Казалось, что они ее страшно бьют, и девочка, лица которой Марго не могла разглядеть из окошка, по-видимому, безутешно плакала на дне лодки. Это длилось до тех пор, пока легкое суденышко не отплыло далеко от берега.

Тут двое оборванцев встали со своего места, а третий все

еще продолжал управлять лодкой...

Страшные, злющие, они протянули руки к девочке... Один из них схватил ее за руки, другой за плечи и прежде, нежели видевшая все из окна Марго успела крикнуть, сильно размахнувшись, бросили девочку в волны.

Затем произошло нечто совсем удивительное. Наблюдавший всю эту картину с берега незнакомец что-то крикнул Джеку и тот, метнувшись стрелой по берегу, как утка поплыл к лодке.

Маленькая девочка еще барахталась в воде, вцепившись руками в руку старавшегося освободиться от нее оборванца, когда к ней подплыл Джек. Огромный пес схватил ее зубами за платье и вместе с ней поплыл обратно к берегу. Следом за ними поплыла и лодка. Но оборванцы, не доехав до берега, повернули за выступ скалы и исчезли за ней.

А Джек уже доплыл с девочкой до берега, положил ее на песок, и стал отряхиваться, отчаянно брызгая водой.

Все это произошло не больше как в несколько минут.

Марго стала пристально всматриваться в лицо девочки, лежавшей на песке. Из окна был виден весь берег с находившимися на нем людьми.

– Мира! Ну, да, это Мира! – разглядев лежавшую на берегу девочку, неожиданно вскричала Марго и, не слушая увещаний и мольбы Фанни, опрометью кинулась из комнаты.

Глава XI

Марго перехитрили...

– Ты это, Мира? Ты, моя дорогая? – лепетала Марго, сбегав на берег и опустившись на колени подле девочки. Джек, вертевшийся тут же, узнал Марго и кинулся к ней с радостным лаем и визгом.

Мира подняла глаза и вскрикнула:

– Марго, как я рада встретить тебя здесь!

– А как я рада твоему спасению... Ведь не подоспей Джек на помощь, злодеи утопили бы тебя. За что, Мира, за что? Ведь ты же никому не сделала ничего дурного?

Мира молча улыбнулась и тотчас же быстро вскочила на ноги. Она совсем не походила на несчастную девочку, которой только что угрожала опасность. И несмотря на то, что вода стекала ручьями с ее волос и платья, Мира улыбалась и шутила.

– Вот необычайное происшествие! – весело говорила она. – Недавно еще я помогала тебе, когда ты вылезла из воды мокрая, как рыба. Теперь же ты хлопочешь вокруг меня. Ну, будь добра, захвати из дома что-нибудь теплое и накинь на плечи. А потом проводи меня до «Замка». Одной мне очень трудно идти...

Марго оглянулась. На берегу не было никого, кто бы мог помочь Мира.

– Да, да, я побегу домой, возьму платок, кофточку и вернусь тотчас же! – волнуясь, говорила Марго.

– Да не забудь отвести Джека, запретить его дома. Не то он увяжется за нами. А я этого совсем не хочу...

– Откуда взялся Джек? – поинтересовалась Марго.

Но Мира промолчала, точно и не слыхала ее вопроса.

А Марго, постеснявшись его повторить, поспешила в дом, позвав с собой сенбернара.

Через несколько минут Марго была уже снова на берегу и хлопотала подле Миры.

– Лучше всего тебе было бы пойти ко мне и переодеться во все сухое, – посоветовала она девочке.

Но та упрямо покачала головой:

– Нет, нет, не надо! Я закутаюсь в платок и будет отлично. Да ведь мы бегом побежим под гору, чтобы отогреться... Не правда ли?

– Да, конечно... – рассеянно ответила Марго. – Но откуда, однако, взялись эти оборванцы и за что они хотели утопить тебя в море, дорогая Мира. Ведь это ужасно...

– Ужасно, – как-то холодно, словно позаученному, согласилась Мира и тотчас же добавила: – Но я уже забыла про весь этот ужас, раз ты, Марго, идешь со мной. Я так рада тебя встретить после того, как ты убежала из «Замка». Ведь ты даже и не попрощалась со мной, злая девочка, и удрала тихонько, пока я спала!

– Нет, ты не спала, – возразила тихо Марго, – ты не спа-

ла тогда, а была на поляне с высокой женщиной. Потом тебя схватило и унесло в лес странное существо с темными крыльями...

Мира опять сделала вид, будто ничего не слышит и, вместо ответа сбросила вдруг свою мокрую одежду и, к удивлению Марго, оказалась в странном костюме: в непромокаемой кожаной куртке и таких же штанах.

– Ха-ха-ха! Что ты разинула рот и глаза вытаращила? – искренно и весело расхохоталась Мира при виде изумленного личика Марго.

– Но, как же?.. Каким образом?.. – растерянно бормотала юная француженка.

– Что, как? Что, каким образом? Вот смешная! Да как же можно броситься в воду, в эту холодную осеннюю воду, в другом костюме? Ведь это, согласишься сама, было бы небезопасно. Можно было бы схватить жестокую простуду...

– Да разве ты сама бросилась? А не разбойники бросили тебя?

– Ха-ха... разбойники... ха-ха-ха! – надрывалась девочка, – да разве ты не знаешь... – И вдруг замолкла сразу. – Ну, да, конечно, меня бросили... в воду злые люди... и... и... и я чуть не утонула... Не подоспей Джек, плохо бы мне пришлось... Но не в этом дело... Я хотела просить тебя проводить меня до «Замка». Ведь ты ничего не имеешь против этого?

Марго, готовая чем-нибудь услужить Мире, взяла ее за ру-

ки, и обе они двинулись было по пути к «Замку», как неожиданно чей-то шепот послышался за плечами француженки...

– Не надо ходить... Не надо ходить, худо будет...

Марго оглянулась. Перед ней стояла Фанни. На горе же, у дома, отчаянно заливался Джек... Под гору бежал Филипп. Марго не могла понять, почему ей нельзя проводить Миру.

– Не волнуйтесь напрасно, Фанни, – сказала она, – я ничего не боюсь, потому что со мной ничего не может случиться... Я хочу довести эту девочку до ее дома!

Фанни беспомощно остановилась, умолкла, а обе девочки, взявшись за руки, быстро направились по дороге к «Замку», оставив далеко за собой Филиппа и отчаянно лаявшего Джека.

Глава XII

В «Замке»

– Ну, прощай, Мира, вот ты и дома, – сказала Марго, когда они обе дошли до ворот «Замка». – Теперь я могу идти обратно.

– Ах, нет, ради Бога, не уходи!.. Проводи меня до самого дома... Пожалуйста, Марго, – настаивала Мира.

Француженка удивленно пожала плечами.

– Хорошо, если ты этого так хочешь, я могу...

Они миновали старые ворота и поляну в саду, на которой в ту памятную ночь Марго видела такие удивительные вещи. Достигнув старого покосившегося крылечка, девочки вошли в прихожую дома, очень мало напоминающего замок.

Дом представлял собой самое обыкновенное финское жилище. Он был очень скромно меблирован.

В первой комнате, большой, но полутемной, стояли обеденный круглый стол, несколько стульев, какие-то сундуки, раскрытые ящики, из которых выглядывали всевозможные разноцветные тряпки. Тут же находились, прислоненные к стене, картонные изображения дверей, окон, портьер, нарисованные на картоне кусты, деревья, цветочные клумбы. Были тут еще запыленные диваны, кресла, зеркало, треснувшее посередине, и много всякой другой старой ненужной рухляди.

Марго с большим вниманием разглядывала все это.

Вдруг над ее головой раздался резкий пронзительный голос, как-то странно и маловнятно выговаривающий слова:

– Здравствуй! Здравствуй!

Марго вздрогнула от неожиданности и подняла глаза. Прямо против нее над колпаком висячей лампы сидела уже знакомая ей сорока Лоло, хлопала крыльями и повторяла одно и то же:

– Здравствуй! Здравствуй!

– Чья это сорока, ваша или старого Питера? – спросила Марго Миру. Но ответа не последовало.

Только Лоло сильнее захлопала крыльями и еще пронзительнее, еще резче закричала:

– Сладкое! Сладкое!

– Где ты, Мира? – невольно воскликнула Марго, не видя подле себя своей спутницы.

– Где Мира? Где Мира? Где Мира? – тотчас же, передразнивая ее, затвердила сорока.

Но Марго на это не обратила внимания. Она перешагнула комнату и заглянула в дверь. Рядом была другая комната, потемнее. Там стояли три узкие, скромно застланные кровати, а посреди комнаты за столом сидели те самые оборванцы в лохмотьях, которые так зверски поступили час назад с Мирой и чуть ли не до полусмерти напугали Фанни и Марго.

Сейчас они мирно сидели за столом и читали про себя по лежавшим перед ними тетрадкам. Их лица теперь казались самыми обыкновенными, и ничего злого, ничего худого

нельзя было в них заметить. Но Марго, увидев людей, бросивших за час до этого Миру в воду, все же не могла не испугаться.

– Ах! – воскликнула она и замерла на пороге комнаты. Робко и тихо было это восклицание, но оно достигло до ушей сидевших за столом.

Все трое подняли глаза и с любопытством уставились на девочку.

– Вы к папе? – спросил ее самый молодой из них.

– Я... я... не знаю... – растерянно вырвалось у девочки.

– Какая крошка! – проговорил второй, – неужели отец пригласил вас на нашу работу?

– Ну, что же, она пригодится для «Гибели Миры», – серьезно проговорил третий.

– Что? – не поняла Марго.

– Ну да, тебя взяли, крошка, для «Гибели Миры».

– Как?

– Вот бестолковая девочка!

– Да разве... Мира?... Разве она погибла? Но ведь я сама видела ее своими глазами. Вы хотели утопить ее в море, вам это не удалось... Слава Богу... Слава Богу, – бросала, точно во сне, Марго, и личико ее выражало сейчас испуг и страх.

Но чем испуганное казалась Марго, тем веселее делались сидевшие за столом.

– Ха-ха-ха! – хохотали они. – Ха-ха-ха! Недурная похвала нашему исполнению. Это очень приятно слышать, прелест-

ная барышня, что мы хорошо сыграли нашу роль!

– Какую роль?

– Точно такую же, какую и ты будешь играть в «Гибели Мира»...

– Но я не хочу, чтобы Мира погибла! Я не хочу! – чуть не плача, лепетала Марго.

«Оборванцы» теперь просто умирали со смеха.

– Мирка! Мирка! – закричал самый младший из них, – иди сюда скорее! Твоя новая знакомая – прелесть что такое! Дурочка какая-то, не понимает самых обыкновенных вещей!

– Кто это дурочка? Кто не понимает самых простых вещей? – послышался за спиной Марго знакомый ей голос.

Она обернулась и увидела высокую фигуру и усталое лицо «колдуна».

Глава XIII

Все объясняется

– Перестаньте дразнить ребенка. Лучше займитесь новыми картинами, не снимайте бород и усов. Сейчас мы опять поработаем для нашего кинематографа.

«Для кинематографа? – подумала Марго... – Для кинематографа! Так вот оно что! Так то были не разбойники, а только актеры! А странный предмет, который я видела у них на берегу и на садовой поляне, был только аппарат для съемки картин! И как я раньше не догадалась об этом? Как не догадались все другие?»

Марго часто бывала в кинематографе и хорошо знала, как снимаются кинематографические картины. Она знала, что если они изображают вид какой-либо местности или какое-либо действительное происшествие, то этот вид или событие приходилось снимать особым фотографическим аппаратом. Знала она также, что вымышленные истории снимаются для кинематографа следующим образом. Несколько человек, одетых в подходящие костюмы, разыгрывают в подходящем месте, как артисты в театре, на сцене, сочиненную историю, и каждое их движение, каждое их действие снимается тем же особым фотографическим аппаратом. Разыгрывающим какое-либо приключение для кинематографа приходится иногда проделывать довольно опасные опыты, на-

пример, бросаться в воду, прыгать с моста, бросаться под автомобиль и т. д.

И теперь, услышав слово кинематограф, Марго сразу поняла, что не разбойники только что бросали в воду Миру, а артисты, разыгравшие вымышленные приключения девочки, которую злые люди хотели будто бы погубить.

– Здравствуй, милая детка, – продолжал между тем, приблизившись к Марго, хозяин дома, который окрестные жители называли почему-то «Замком», – я рад, что ты пришла, наконец, ко мне. Спасибо, что не поверила глупым бредням и не вообразила меня, моих сыновей и мою падчерицу Миру какими-то страшилищами. Ведь, Бог знает, что о нас говорят тут. Меня называют здесь «колдуном», а моих сыновей бродягами; между тем мы только бедные труженики, работники-артисты. Мы открыли в городе маленький кинематограф и сами готовим для него картины. Я сам сочиняю разные истории, разыгрываю их с сыновьями и Мирой и снимаю. Но это дело очень сложное, трудно найти хороших исполнителей. Приходится прибегать к хитростям. Понадобилась мне, например, большая умная собака для спасения девочки в пьесе «Гибель Миры», и я на время сманил у вас Джека. Было много возни, пока ваш Джек не привык к нам всем и не научился исполнять того, что от него требовалось. Не меньше возни было и с одной умницей-головкой, которую необходимо было заполучить нам, и которая никак не хотела заглянуть сюда. Надеюсь, ты поняла, про кого я гово-

рю, детка?

О, да! Марго поняла, конечно, о ком шла речь и вся покраснела при этих словах.

Тот, кого окрестные жители называли колдуном, продолжал говорить, обращаясь к маленькой француженке:

– Я давно заметил тебя... А прослушав твой рассказ в лесу, решил, что ты много можешь помочь нам в нашем деле. Ребенок, переживший в своем детстве столько и так умно и хорошо умеющий передать все, мог бы быть очень ценен для нашей маленькой труппы. Я пишу для своего кинематографа интересные пьесы. В них участвуют даже дикие звери. Я поймал и выдрессировал для этой цели даже двух волков... Ну, вот ты теперь все знаешь, и я предлагаю тебе присоединиться к нам. Будешь играть для нашего кинематографа, а потом петь во время представления спектаклей. У тебя ведь чудесный голосок.

– Но, но... – волнуясь, начала Марго, – как же я уйду от Баратовых? Они взяли меня к себе в дом, приютили, как родную, а я вдруг покину их...

– Ну, это будет им не так страшно. Кроме того, подумай о себе. У Баратовых ты живешь почти из милости, а тут ты будешь честно зарабатывать свой хлеб. И если дела моего кинематографа пойдут хорошо, ты сумеешь накопить немного денег.

Марго долго думала над словами говорившего с ней человека. Она поняла, что этот человек прав, что ему она нужнее,

чем Баратовым, которые держат ее у себя почти из милости.

– Да... хорошо, я останусь у вас, я согласна работать для вашего кинематографа, – вырвалось, наконец, после продолжительного раздумья у Марго к великому восторгу всех присутствующих.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

Глава I

Новая жизнь, новые люди, новые обязанности

– У вас какое место? Третье? Пожалуйста сюда. А у вас первое? Сюда, пожалуйста. Господа, не все сразу. Пожалуйста, не все сразу!

Это говорит, обращаясь к публике, которая толпится у входа в кинематограф, маленькая барышня, проверяющая билеты, так называемая «билетерша».

Почти каждый день приходится ей повторять одно и то же, потому что публика в городе Петровске очень усердно посещает кинематограф «Звезда» господина Никуди – грека по происхождению.

Господин Никуди – не только владелец кинематографа: он сам сочиняет те пьесы, которые изображаются на экране и которые так нравятся публике, сам ставит их, т. е. показывает артистам, как и что они должны изображать, какие делать жесты и движения, сам выбирает место, где артисты должны разыгрывать его пьесы, наконец, сам, при помощи особого фотографического прибора, снимает разыгрываемые пьесы

и делает ленты для кинематографа.

Жена владельца кинематографа и его три сына, 17, 16 и 14 лет, принимают участие в работе: они играют для кинематографа, изображая то разбойников, то колдунов, то воинов, то знатных людей, смотря по тому, что нужно для той или другой пьесы. А в антрактах в кинематографе «Звезда» поет маленькая, черноволосая и черноглазая девочка, поет под аккомпанемент на рояле одного из сыновей хозяина. И зрители с удивлением видят, что это та самая девочка, которая в разных пьесах выступает на экране. Но мало того: эта же девочка каждый раз, перед началом представления вместе с госпожой Никуди отбирает у публики билеты, показывает всем, где свободные места в зале, и следит за порядком.

Эта девочка – Марго.

Иван Демьянович Никуди не ошибся, когда настаивал, чтобы Марго поступила к нему служить и был очень счастлив, что ему удалось увезти ее из Финляндии. Чернокудрая француженка прекрасно справляется со всем: она и играет хорошо, и поет очень мило, и прекрасно исполняет обязанности «билетерши».

Вся семья Никуди очень полюбила Марго. Она точно принесла счастье семье Никуди, дела которого за последнее время значительно поправились. Ведь из-за Марго многие нарочно даже приходят в кинематограф «Звезда», чтобы послушать французские песенки, которые так прелестно поет Марго. Кроме того, Марго как нельзя лучше играет детей,

которых господин Никуди выводит в своих пьесах.

– Молодец, куколка! Молодец, умница-головка! – произносит он часто, глядя по головке Марго, когда она, запыхавшаяся, довольная и оживленная, под гром аплодисментов сбегает с эстрады.

– Старайся, старайся, детка, к Новому году, если даст Бог, все так же хорошо будет идти, я тебе, умница моя, и жалованья прибавлю.

– Благодарю вас, – радостно шепчет Марго, – благодарю вас. Я буду стараться, чтобы вы были мной довольны.

– Ну, как тут не быть довольным, куколка? Сама с вершок, а таланта сундук огромный. Недаром же ты у нас – умница-головка, – повторяет Никуди. – А прибавки к жалованью жди и даже очень скоро.

Ах, эту прибавку Марго ожидала с таким нетерпением. Она решила копить деньги. Она знала из писем своего далекого друга, Поля, как нуждается бедный мальчик во всем со дня смерти его дедушки. Нет у него никого, кто бы ему помог, кто бы его чем-нибудь обрадовал, утешил. Так хоть она, Марго, сколько-нибудь поможет ему.

И девочка, отказывая себе во всем, откладывает для Поля деньги. Сама она проживает очень мало: живет она с семьей владельца кинематографа, занимая крошечный уголок в комнате его падчерицы Миры.

Есть еще одна маленькая жилища в этой комнате. Но эта жилища не выпускается из большой клетки, где целыми дня-

ми выкрикивает всякую чепуху.

Это Лоло – ученая сорока. Ее тоже показывают иногда в антрактах публике. И она порой смешит до слез посетителей кинематографа.

Глава II

Встреча

– Смотри, мамуля, кажется, это Марго! – раздается детский голосок за спиной юной билетерши «Звезды», когда она во время антракта усаживает новых посетителей в первом ряду.

Девочка оборачивается, обводит глазами задние ряды и спешит к крайним креслам одного из них.

– Лариса Павловна! Нуся! Леня! Как это вы здесь очутились? – волнуясь, громко шепчет Марго.

– Как я рада тебя видеть! – вскакивает со своего места Нуся. Раздается звонкий поцелуй, обращаящий на себя внимание публики.

– Вот не ожидала, дорогая Лариса Павловна. Кажется, точно все это во сне.

– Нет ничего удивительного в том, что мы находимся в Петровске, – пожимая руку девочки, тихо выговаривает Лариса Павловна. – Тут живет моя мама, и мы приехали сюда на праздники.

– А где же Коля, где...

Леня предупреждает вопрос:

– Папа на войне, он офицер. Коля хотел пойти добровольцем, но его, конечно, не пустили. Зато ему разрешили поступить в кадетский корпус. Ему непременно хочется быть

офицером...

– А я хочу быть сестрой милосердия; только таких молодых не берут, – вставила Нуся.

– А месье Мишель? – спрашивает Марго.

– Он уехал во Францию, поступил санитаром в армию. Хотя он швейцарец, но любит Францию и хочет ей послужить. Будь он моложе, он поступил бы солдатом...

В это время Марго вспомнила, что антракт кончается, что надо потушить в зале электричество и задвинуть дверные портьеры.

– Пожалуйста, не уходите после представления, мы еще поговорим, а теперь меня ждут обязанности.

И, сказав это, Марго мило поклонилась и отошла от своих старых знакомых.

Целый час еще продолжалось представление. Лариса Павловна и ее дети, как и остальная публика, с большим интересом следили за всем, что происходило на экране. Когда началась пьеса «Гибель Миры», Леня и Нуся то и дело приподнимались со своих мест и, не веря глазам своим, восклицали:

– Да ведь это Марго! Неужели она играет для кинематографа? Мы совсем не знали, что она – артистка.

Но в особый восторг пришли они, когда во время следующего антракта Марго запела на эстраде одну за другой разные французские песенки.

– Прелесть как поет! Чудный голосок! – шепотом выражала свое удовольствие Лариса Павловна.

Наконец, представление окончилось. Марго пригласила своих старых знакомых в комнату, смежную со зрительным залом, служившую хозяевам для отдыха, и здесь пошли разговоры, расспросы.

Баратовы узнали подробно про новую жизнь девочки, а последняя осведомилась обо всем, что произошло за все время в покинутой ею семье.

Лариса Павловна познакомилась с хозяевами кинематографа и очень смеялась над тем, что хозяина считали в Финляндии колдуном, между тем как он только сочинял и разыгрывал пьесы для своей «Звезды».

Поздно в тот вечер расстались Баратовы со своей прежней юной знакомой, около трех месяцев назад столь неожиданно исчезнувшей из дома, там, в глуши Финляндии.

Глава III

Серееина новость

Весело шумит самовар на круглом столе. Приятно потрескивают в печке дрова. Вкусно пахнет нарезанное ломтиками холодное, оставшееся с обеда, жаркое. Целой горкой лежат на тарелке яйца, масленка полна масла, и огромный кусок сыра распространяет кругом возбуждающий аппетит запах.

Все приготовлено к ужину, все ждет семью Никуди, которая должна скоро вернуться домой.

Уже двенадцатый час ночи, кинематограф «Звезда» сейчас закроется, и хозяин, его жена, падчерица, сыновья и Марго не замедлят явиться, усталые и голодные.

Действительно, не прошло и десяти минут, как за столом уже сидела вся семья, утоляла свой голод и делилась впечатлениями прошедшего трудового дня.

Один только Серееа вяло кушал и мало разговаривал. Он развернул перед собой газету, которую не успел еще прочесть, и жадно впился в нее глазами.

– Ты бы лучше ел, а газету прочтешь потом, – заметил своему сыну Никуди.

Серееа, однако, продолжал шуршать газетой и, на минуту оторвавшись от нее, посмотрел на отца и промолвил:

– Хочется знать, что делается там, где и я скоро буду.

– Как? – удивились все сидящие за столом.

– А просто, – ответил Сережа, – я собираюсь добровольцем на войну.

– Шутник! – промолвил на это полусердито, полунасмешливо отец и стал наливать себе второй стакан чаю.

– Папа, – горячо воскликнул Сережа, – я нисколько не шучу! Все – стар и млад – стремятся на войну, каждый хочет чем-либо помочь родине, находящейся в опасности. Почему же мне сидеть дома? Я уже не маленький.

– Не маленький, но все же еще мальчик. Где тебе воевать...

– Нет, папа, ты отпустишь меня. Немало сыновей уходит теперь на поля битв. Наше дело от моего ухода не пострадает. Играть на рояле во время представлений, может быть, сможет мама. Или пригласите тапера... Теперь дела нашего кинематографа идут так хорошо, что мы можем позволить себе такую роскошь, как приглашение на небольшое жалованье служащего.

– Не в этом дело, Сергей, – грустно отвечал Иван Демьянович. – Мне просто жутко отпустить тебя под пули и бомбы...

– Папа, папа, не надо говорить этого... Наши солдаты уже пять месяцев находятся в такой опасности, так неужели же я, такой сильный, крепкий юноша, буду издали любоваться их геройскими поступками. Нет, если бы я был один, если бы я рос в семье единственным сыном, то, конечно, я и говорить не стал бы: остался бы дома. Но у меня есть братья: Алексей

и Иван, они останутся у тебя, и маленькая Мира с ними. А меня отпусти, отец. Мама, дорогая, попросите за меня отца!

Заявление Сережи, как снег на голову, упало на Ивана Демьяновича. Правда, юноша за последнее время часто говорил домашним о своем желании поступить добровольцем в действующую армию.

Но, занятый своими делами, Иван Демьянович как-то мало обращал внимания и пропускал эти разговоры мимо ушей. И теперь Сережина новость совсем поразила, ошеломила бедного отца.

Но Нина Артамоновна открыто взяла сторону пасынка.

– Молодец, Сережа, хвалю за желание принести родине пользу. Не будь у меня вот этой стрекозы, – кивнула она в сторону Миры, – так и я бы, не рассуждая, пошла в сестры милосердия или просто на мелкую работу: письма писать раненым солдатикам, или...

– Это и я могла бы, мамочка, – вырвалось неожиданно у Миры.

– А мы, что же? О нас забыли? Мы тоже хотим! – подхватили Алексей и Иван.

– Ну, вы пока что дома сидите, – обычным своим серьезным и суровым голосом произнес отец. – Вы еще молоды и в войны пока не годитесь... Да и дело пойдет прахом, если я вас распущу всех. А ты, Сергей, с Богом! Сам понимаю, что тянет тебя туда... Тебе уже скоро восемнадцать лет. Ну, Господь с тобой, ты только пиши почаще... Слышишь?..

– Конечно, папа, конечно! Не беспокойтесь за меня! – радостно воскликнул юноша, подошел к Ивану Демьяновичу и обнял его.

– Когда? – отрывисто спросил отец.

– На этих днях, папа, примкну к выписавшимся из госпиталя солдатам, которые возвращаются в свою часть, и вместе с ними отправлюсь на войну...

Глава IV

Новый план

Ночь... Тихо и мирно спит утомившаяся за день семья хозяина кинематографа. Из соседней комнаты слышится богатырский храп Никуди и его сыновей. Чуть похрапывает на своей кровати Мира. Ее мать только что легла. Она долго перед сном молилась за отправляющегося на войну Сережу. Но, несмотря на это, ей долго не удавалось уснуть: она все думала о том, что ожидает юношу и как будет всем тяжело без него.

Но не одной Нине Артамоновне не спалось в эту ночь.

Марго также лежала с широко раскрытыми глазами и смотрела то на образ, озаренный мигающим огоньком лампы, то на розовые обои и незатейливую обстановку комнаты.

Она вспоминала весь разговор, происшедший за чаем, вспоминала неожиданное заявление Сережи о своем желании, о своем решении пойти на войну. Ей казалось, что она все еще видит лицо Сережи, его сверкающие глаза, его полную уверенности улыбку. «Счастливцев! – думала Марго. – Он может идти сражаться за свою родину, он уже взрослый. А я – еще маленькая бессильная девочка. Что я могу делать? Чем я лучше Лолошки, которая умеет лишь выкрикивать заученные слова. Враг напал не только на Россию, но и на мою

родину – Францию. Конечно, туда, на родину, мне теперь не попасть, но и в России нашлась бы для меня работа. Везде открываются лазареты, в них много больных, изувеченных, раненых солдатиков. Их лечат доктора, за ними ухаживают сестры милосердия, но все-таки лишний человек в лазарете не помешает. И я могла бы приносить некоторую пользу бедным воинам, писать для них письма на родину, подавать воды напиться, почитать книгу. Да, я уеду куда-нибудь, поступлю в лазарет, начну там работать... Но примут ли меня? Я ведь ростом такая маленькая. На вид мне никто больше 10–11 лет не даст...»

Так думала Марго, метаясь в постели, переворачиваясь с боку на бок и напрасно стараясь уснуть.

«Да, да! – наконец, решила она мысленно. – Я уеду отсюда поближе к войне, в какой-нибудь город, где много лазаретов, и постараюсь поступить в один из них работать».

Решив это, девочка стала обдумывать, как уйти от Никуди. Сказать ему – бесполезно. Он высмеет ее, скажет, что такой крошке не место на войне. Разве уйти, ничего не сказав, никого не предупредив? Да, так она и сделает, уйдет завтра или послезавтра прямо из кинематографа на вокзал. Деньги на билет у нее есть, на еду тоже, есть больше даже, чем надо. Она вспоминает, что у нее есть простенькое серое платье, холстинковое, в полоску, и белый фартучек. Это вполне подходящий костюм для лазаретной сиделки.

Итак, значит решено. Завтра она пропоет в последний раз

в кинематографе свои песенки, переоденется и... на вокзал.

«Боже, помоги мне! Святая Матерь, сохрани меня», – шепчут губки девочки, и она молится долго и усердно, пока сон не смыкает ей глаз.

Глава V

Последние песенки

Через несколько дней, рано утром, вся семья провожала на вокзал Сережу. Он был бодр, доволен и всячески старался развеселить своего угрюмого отца. Обнимая всех по очереди, юный солдатик просил не беспокоиться о нем и не тревожиться, если от него долго не будет писем.

Наконец раздался третий звонок и поезд медленно тронулся.

– Пиши, береги себя! – в последний раз крикнул Никуди сыну. В ответ Сережа махнул провожающим фуражкой.

– Счастливцев этот Сережа, – шептались с завистью Леша и Ваня, возвращаясь с вокзала домой. – Если бы нас пустили!..

А Марго в это время, тоже возвращаясь с вокзала, думала: «Сегодня вечером и я уеду отсюда. Но меня никто не будет провожать, никто не будет благословлять меня...»

Наступил вечер. Началось представление в кинематографе «Звезда».

– О чем ты задумалась? Скоро тебе выходить петь, – шепчет Марго Мира.

Марго точно просыпается, проводит рукой по лицу.

– Да, да, я иду, Мира, – говорит она, но сама думает: «В последний раз пою сегодня, а ночью я буду уже далеко отсюда...»

Девочка поправляет волосы и уверенно входит на эстраду.

– Bravo, Марго, bravo! – приветствует свою юную любимицу публика.

Ее знают все частые посетители кинематографа, знают и любят за приветливое, доброе личико, и за звонкий, нежный голосок, которым она распевает свои песенки.

Сегодня Марго особенно хорошо поет, и ее слушают с большим вниманием.

Град аплодисментов покрывает это пение.

– Bravo, Марго! – кричат снова взрослые и дети.

Девочка низко приседает, кланяется, посылает воздушные поцелуи. Потом она быстро скрывается с эстрады. Представление еще не окончено, но Марго идет домой. Падает снег, и дует сильный ветер. Вот Марго уже у себя в комнате. Она бросается к комоду, вынимает из ящика свое серое холстинковое платье и белый передник, берет две смены белья и чулки, завязывает все это в крошечный пакетик и быстро-быстро бежит вон из комнаты. Вдруг громкий пронзительный крик останавливает ее за порогом. Это кричит Лоло.

«С ней можно попрощаться, она меня не выдаст», – думает Марго и идет к сороке.

– Бедная Лолоша, бедная ты моя птиченька, – с жалостью в голосе проговорила Марго, лаская черно-белые перышки сороки, слетевшей к ней на стол. – Бедная Лолоша хочет кушать? Постой, я покормлю тебя сейчас в последний раз, – и девочка, отложив узелок в сторону и сбросив шубку, бежит

за свежей водой для забытой птицы. Потом она вынимает из мешка крошки и сыплет в клетку.

– Прощай, Лолоша, не забывай меня! Может быть, я не скоро вернусь, а, может, и не вернусь совсем, – говорит Марго тихим печальным голосом.

Но Лоло уже не обращает внимания не девочку, а стучит клювом по Дну клетки, жадно проглатывая одну крошку за другой.

Глава VI

В поезде

«Боже мой, только бы не опоздать! Только бы не опоздать!» – думала Марго. Когда она, наконец, вбежала в зал третьего класса, стрелка часов показывала без десяти минут одиннадцать. А в одиннадцать ровно уходит поезд. Слава Богу! Еще есть время, и она успеет взять себе билет. Она подходит к кассе, выкладывает деньги и получает его через маленькое окошечко. Получив, Марго прижимает билет к сердцу, как какое-то сокровище, и бежит на платформу.

В вагоне, куда попала Марго, набралось столько народу, что было негде присесть. Девочка обрадовалась, когда ей удалось найти удобное местечко, чтобы стоять. Она очутилась между какой-то женщиной и худеньким мальчиком.

Мальчик оглядывал всех находившихся в вагоне испуганными, робкими глазами и старался быть как можно менее заметным.

– Вы куда едете? – робко осведомилась у Марго женщина.

– В Варшаву, – отвечала девочка.

– Конечно, с родными?

– Нет, одна...

– Одна? Такая крошка?

«Ну вот! Опять крошка! – думала с досадой Марго. – Если все будут обращать внимание на мой рост, это не принесет

мне ничего хорошего».

– А вы, значит, едете в Варшаву? – любопытствовал вдруг худенький мальчик – сосед Марго.

В эту минуту раздался свисток кондуктора, и поезд тронулся. Мальчик сразу повеселел.

– Слава Богу! Слава Богу! – зашептал он еле внятно. Но Марго услышала его шепот.

– Детки, вы что ж это, стоя поедете? Ножонки затекут, – сказал вдруг какой-то пассажир. – Садитесь вот к окошечку... Места всем хватит.

– Благодарю, – ответил худенький мальчик, – мне и тут хорошо.

И он, к крайнему удивлению Марго, отступил в темный угол и стал так, что свет фонаря не падал ему на лицо.

«Странный мальчик», – подумала Марго и принялась рассматривать со стороны своего спутника, его беспокойное лицо и бегающие, испуганные глаза.

Одет он был в теплое хорошее пальто и барашковую шапку. Видно было, что он сын зажиточных родителей. На вид он казался лет двенадцати-тринадцати.

Марго очень заинтересовалась поведением мальчика, который все еще оглядывался и тревожно озирался во все стороны.

– Разве у вас нет билета? – спросила его Марго. – Что вы так боитесь?

– О, нет, билет у меня есть, а я боюсь совсем другого... Я

вам расскажу потом все, когда все эти люди улягутся спать. А пока могу вам только сообщить, что зовут меня Шурой, и что мне от роду целых двенадцать лет. А вам сколько?

– Мне тоже двенадцать. А зовут меня Марго, то есть Маргаритой.

– Вы не русская?

– Нет, француженка, но уже живу давно в России.

– Французы – молодцы, храбрецы! – неожиданно восклицает мальчик.

– А русские-то какие герои! – восторженно подхватывает Марго. Оба они уселись рядом на освободившейся скамейке и между ними началась беседа о русских героях.

За беседой незаметно проходило время. Все уже улеглись спать и кое-где уже слышался могучий храп пассажиров, устроившихся на ночь.

– Ну, вот, теперь уже ничего не страшно... – тихо произнес Шура.

– А чего вы боялись? – удивленно спросила Марго.

– Вы никому не скажете? Даете мне честное слово!

– Никому не скажу. Честное слово, – горячо отозвалась Марго.

– Видите ли... я... доброволец... Еду на войну... но таких юных добровольцев задерживают и возвращают домой. Этого-то я и боюсь...

Продолжая болтать, дети постепенно задремали под стук колес мчавшегося в ночной темноте поезда.

Глава VII

Приехали

Еще день и ночь Марго и Шура были в дороге. Только на вторые сутки они приехали в город, где думали остановиться.

На душе у детей становилось все тяжелее и тяжелее. «Что-то будет дальше?» – вот такая мысль тревожила Шуру и его спутницу.

– Придется долго промаяться, пока удастся попасть в полк, – бледный от волнения, говорил мальчик-доброволец. – Да удастся ли вообще!..

– И мне трудно будет пристроиться при лазарете, – отвечала Марго.

В это время поезд остановился у вокзала. Пассажиры зашевелились и, толпясь, начали выходить из вагона.

Дети остановились на платформе и стали обдумывать, куда пойти.

– Вот что надо делать теперь... – начал было Шура, но не договорил. Высокий господин и жандарм неожиданно загродили дорогу детям.

– По приметам этот мальчик тот самый, которого мы ищем, – шепнул господин жандарму. – Его надо задержать. Ты Александр Незлобии, двенадцати лет?

Шура сразу струсил. Он хотел ответить что-то, но не мог.

В глазах у него появились слезы.

Вокруг них уже собиралась публика. Раздавались то сочувственные, то насмешливые восклицания.

– Какой клоп, а тоже на войну собрался!

– Ничего, что маленький, а видать – удаленький.

– Вот наказал бы я такого!

– А, по-моему, наказывать не за что, – проговорила высокая худая женщина, с косынкой сестры милосердия на голове и с красным крестом на груди. – Тут не наказывать надо, а хорошенько втолковать детям, что им рано думать о боях и сражениях, что прежде всего необходимо...

Но сестре не дали договорить. Поднялись крики: «Раненых привезли! Раненых!»

Толпа шарахнулась в сторону прибывшего санитарного поезда.

Теперь около Шуры и Марго остались только строгий господин, жандарм и еще несколько человек из толпы, желавших узнать, чем кончится этот случай.

– А это что за девочка? – неожиданно заметил все тот же строгий господин, кинув взгляд на Марго, робко притаившуюся в сторонке.

– Может и она на войну собралась! – пошутил кто-то из зрителей.

– Прикажете взять и девочку? – спросил у господина жандарм.

– Бери и девочку; там разберемся.

Марго так и замерла при этих словах.

«Теперь все пропало! Теперь все кончено! Отправят меня обратно, как отправят Шуру, как отправили уже многих юных беглецов и беглянок», – подумала Марго и вся затряслась.

Шура в то же время стоял, растерянный и смущенный, с опущенными глазами, с бледным лицом, по которому медленно стекали слезы. Он уже раскаивался в том, что, не подумав, ушел на войну, где нужны взрослые сильные люди, а не мальчики.

Прошло несколько мгновений. Жандарм подошел к Марго, взял ее за руку и спросил:

– А вы откуда, маленькая барышня?

Марго не знала, что сказать. Но на помощь явилась сестра милосердия.

– Не трогайте этого ребенка. Вы видите, как девочка взволнована? Если она, действительно, убежала от родных, то я даю вам слово, что сегодня же вечером, когда эта девочка отдохнет у меня хорошенько, доставлю ее вам. А пока, вот вам...

И, говоря это, сестра вынула из ручной сумки свою визитную карточку, на которой значилось ее имя и фамилия, и передала ее жандарму.

Тот взглянул на карточку, прочел фамилию и почтительно поклонился сестре.

– Слушаю, ваше сиятельство. А этого мальчика, не взы-

щите, приходится взять и немедленно же отправить в Петроград. К нам пришли уже три телеграммы оттуда, от родных, о немедленном его задержании. Тут есть его приметы: это непременно Александр Незлобии.

Шура вздрогнул и взглянул на Марго.

Марго подняла глаза на Шуру.

И, прежде чем следовать за уводившей ее сестрой милосердия, девочка подбежала к Шуре, обняла его и шепнула:

– Ничего, ничего, бодритесь Шура! Зато вы увидите ваших папу и маму, которые уже истосковались по вам.

Пока мальчик собирался с силами ответить ей что-то, Марго уже была далеко от него, уводимая сестрой милосердия.

Глава VIII

Новая покровительница

На площади перед вокзалом стояло много экипажей, автомобилей и колясок. Хотя стояла зима, снегу почти не было, и в городе ездили на колесах.

В ту минуту, когда у подъезда появилась спутница Марго в костюме сестры милосердия, большой, красивый мотор медленно подкатил и остановился перед ней.

– Садись, моя девочка! – произнесла ласковым голосом сестра милосердия, помогая Марго сесть в автомобиль.

Та робко опустилась на мягкое серое сиденье. Спутница поместилась рядом.

Шофер дал ход машине, и автомобиль, непрерывно трубя, покатил по широким улицам, обгоняя другие экипажи, кареты с ранеными, солдат, проходивших с музыкой. На тротуарах бегали и что-то выкрикивали газетчики, сновала пестрая толпа.

У Марго даже глазки разгорелись, и лицо запылало от удовольствия: ей нравились и эта быстрая езда, и оживление больших улиц.

Спутница Марго с доброй, мягкой улыбкой поглядывала на нее. Но вот рука ее опустилась на плечо девочки.

– А теперь скажи мне, моя девочка, как ты и зачем приехала сюда одна. Ведь ты одна приехала, не правда ли? – Од-

на, – тихо ответила Марго.

– Но, как же тебя отпустили? И зачем, с какой целью ты приехала сюда к нам?

Марго вздрогнула от неожиданности, слегка покраснела и, вся дрожа, подняла на свою соседку смущенные глазки.

«Надо всю правду рассказать, всю правду», – подумала она и, не заставляя больше спрашивать себя, начала шепотом свою искреннюю повесть.

Марго рассказала все с самого начала. О том, как мелькнула у нее мысль идти в помощницы к сестрам милосердия, для ухода за ранеными, и как она выбрала этот город, через который провозят больше всего тяжелораненых, и как она тайком ушла от своих хозяев, и как проехала сюда.

Новая покровительница внимательно слушала девочку. Потом задала ей несколько вопросов: есть ли у нее родные? Кто ее хозяева? Чем занимаются они?

И опять Марго самым чистосердечным образом поведала своей спутнице о том, кто ее хозяева, что она делала у них.

– Потом я узнала, – рассказывала дальше Марго, – что идет война, что все стремятся в армию, кто на поле битвы, кто в сестры милосердия. Почувствовала и я, что уже не могу петь свои песенки в кинематографе, и мне захотелось принести хоть какую-нибудь пользу. Я знаю прекрасно, что мне не позволят делать перевязок и подавать лекарство раненым, да я и не сумею сделать этого. Но небольшую, нетрудную работу, например, шить, чинить что-нибудь для раненых, – это

я могу. Могла бы забавлять раненых, читать им, петь выздоравливающим, письма писать к родным в деревню...

Чем дальше говорила Марго, тем ласковее становилось лицо ее спутницы. Вот она подняла руку, обняла за шею девочку и привлекла ее к себе.

– Ты славная, чуткая девочка, – проговорила сестра милосердия, – и я сделаю все, что смогу, чтобы твое желание исполнилось. Я возьму тебя в наш госпиталь, к себе в помощницы. Довольна ты этим?

Марго от радости не знала, что ответить.

– Благодарю, благодарю вас! Я так счастлива, я так благодарна вам, так благодарна! – наконец, прошептала она. – Я буду стараться, чтобы стать полезной и нужной. Спасибо вам, спасибо!

Глава IX

Лазарет

Через двадцать минут автомобиль, в котором ехали сестра милосердия и Марго, остановился у небольшого, но красивого каменного дома.

Над подъездом развевался белый флаг, с красным крестом посередине, и висела холщовая вывеска, на которой было написано:

«Лазарет для раненых воинов княгини Елизаветы Павловны Курбасовой».

Теперь Марго поняла, что этот лазарет устроен ее спутницей, обращаясь к которой, жандарм на вокзале сказал ей «ваше сиятельство».

«Значит, – подумала Марго, – она полная хозяйка лазарета, сама в нем работает как сестра милосердия, и если она захочет, чтобы я тут осталась, то никто ей помешать не может».

Княгиня между тем ввела девочку в комнату сестер милосердия и, улыбнувшись, заметила находившимся там женщинам:

– Вот вам, господа, товарка! Прежде всего накормите ее, отведите ей угол, а затем дайте и работу.

Сестры переглянулись между собой и насмешливо осмотрели «товарку».

Ни о чем ее не расспрашивая, они предложили ей заку- сить, а потом достали для нее белую косынку и передничек.

– Халат после получишь. Сейчас на тебя подходящего не найдется, – прибавили они с улыбкой.

– Ты откуда взялась, куколка? – обратилась одна из сестер к Марго, когда княгиня вышла из комнаты.

Но Марго не пришлось ответить. В ту же минуту вбежала сиделка в белом переднике и тревожно проговорила:

– Пожалуйста, сестрица, у Иванова кровь из раны пошла...

Сестра немедленно поднялась, направилась в палату и, случайно или намеренно схватив за руку Марго, повела ее за собой.

Девочка очутилась в большой светлой комнате. Длинны- ми рядами стояли кровати, застланные свежим бельем. На каждой кровати лежал раненый.

Марго увидела высоко поднятые на подушках, забинто- ванные руки и ноги, обвязанные головы, полускрытые повяз- ками лица. У иных на голове или на груди лежали пузыри со льдом. Около некоторых кроватей стояли костыли.

– Батюшки! Какая крошка! – произнес раненый, возле ко- того случайно остановилась Марго. – Здравствуй, здрав- ствуй! Откуда ты явилась, такая малюсенькая? В гости к нам, что ли, пожаловала?

– Нет, я не в гости. Я ходить за вами приехала. Работать около вас буду, – твердо и спокойно ответила ему Марго.

– В сестрицы значит поступила к нам?

– Нет, для сестрицы я очень молода.

– Сестренкой, стало быть, она у нас будет, братцы, – проговорил другой раненый.

– И то, сестреночкой, – согласился третий. – Ишь ты, от пола не видать, а уже работать хочет!

– А у меня, братцы, дома точь-в-точь дочь такая осталась. Ма-лю-сень-кая! – отозвался еще один раненый.

Солдатик, вспомнив про свою дочку, вздохнул, и из глаз у него покатились слезы.

Марго это заметила, приблизилась к солдату и ласково притронулась к его руке.

– Ничего, ничего! Даст Бог, скоро поправитесь и вернетесь к вашей девочке, – проговорила она. – А пока не хотите ли ей письмо написать?

– Вот за это спасибо, сестреночка, спасибо! В столике и бумага, и конверт есть.

– А потом, сделай милость, сестреночка, как с письмом его покончишь, так мне уж письмецо из деревни прочти. Что там мать-старуха сыну намаракала, – обратился к Марго другой раненый.

– Да, да, прочту конечно. Все сделаю, только говорите!

Сестра милосердия наблюдала незаметно за Марго и, видя ее проворность и готовность помогать раненым, подумала:

«А ведь наша княгиня, пожалуй, не ошиблась. Девчурка расторопная, может, в самом деле, пригодится тут».

Глава X

Неожиданная встреча

– Сестреночка! Вот тебе пятак. Сходи-ка в лавочку за сметаной. Страсть, как мне сметанки захотелось, – говорит выздоравливающий солдатик и сует медную монету в руку Марго.

– А мне зажги-ка папироску, сестреночка, – зовет ее другой раненый, у которого отнята правая рука.

– Пить, сестреночка, пить! – раздается просьба третьего больного.

– Сестреночка, а, сестреночка, письмецо из деревни получил, прочти ты мне, что пишут, – опять слышно откуда-то.

И Марго, вот уже вторую неделю работающая в лазарете княгини Курбасовой, легко и бесшумно носится по палате. Она и в лавочку сбегает, и письмо прочтет и напишет, и папироску поспешит зажечь раненому, и пить подаст, и покормит безрукого или слабого с ложечки вовремя. Она успеваает и пол подмести, и чай разлить, и помочь сиделкам прибрать палату.

– Умница, что и говорить, – не нахвалятся на девочку сестры и больные.

– И откуда только такую разумницу выкопала княгинюшка наша?

– Ну, вот, захвалите девчурку и с толку собьете совсем, –

говорила, улыбаясь, старшая сестра милосердия, главная помощница княгини. – Избалуете куклу нашу, а куда она, балованная, нужна нам будет потом?

Но Марго не могли испортить никакие похвалы, никакие одобрения. Целый день она работала, делала свое скромное дело, а вечером читала вслух или распевала свои песенки раненым солдатам.

– Ишь, как ладно поет, – умилялись раненые, ласково поглядывая на Марго и не пропуская ни одного звука из ее нежных песенок.

Иногда к раненым и больным присоединялись и сестры и сама княгиня – хозяйка лазарета. Все подолгу слушали Марго. И когда Марго кончала петь, они все без усталости хвалили и ласкали девочку. За одну только неделю, проведенную Марго в лазарете, все ее успели полюбить. Как-то перед самыми праздниками привезли новых раненых в город. Десятерых из них доставили в лазарет княгини Курбасовой. Особенно серьезно был ранен молоденький солдатик-доброволец, которого привезли с простреленной грудью и рукой. Он только раз был в бою, но неприятельская пуля сразу настигла его. Однако юноша не унывал и казался бодрым. – Это ничего, это ничего, вылечат меня. Авось еще смогу сразиться с врагами, – говорил он, сияя милыми, совсем еще детскими глазами. К вновь прибывшему раненому подошла Марго. Пристально взглянула девочка в осунувшееся смуглое лицо юноши, в его черные глаза вдруг неожиданно бросилась к

его койке.

– Сережа!.. Сережа, дорогой!.. Неужели это вы?

– Марго? Какими судьбами?

– Голубчик, вы ранены? В грудь? Ах, Боже мой! Не успел еще и...

– Да, да, Маргоша... Какое несчастье! – горько усмехнулся Сергей Никуди. – Какое несчастье... Хотел быть полезным и вот... А ты-то как попала сюда, крошка? Да ты ли это? Не сон ли это?

– Я, я, Сережа, голубчик...

И тут же присев на край постели раненого, она в коротких словах рассказала ему, как попала в лазарет.

Молодой Никуди, несмотря на жестокие страдания, очень внимательно выслушал девочку.

– Так... так... понимаю... – проговорил он.

Но в эту минуту подошла сестра милосердия и приказала Марго не разговаривать с новым раненым, которому всякая беседа очень вредна. Да и Сережа впал в забытие. На утро ему предстояла тяжелая операция. Надо было дать юноше подкрепиться и хорошенько отдохнуть.

Глава XI

Награждение героев

Сырым зимним утром к подъезду лазарета княгини Курбасовой подкатил военный автомобиль. Из него вышли высокий, худощавый генерал и молодой офицер – его адъютант. В подъезде посетители сбросили шинели на руки оторопевшего, вытянувшегося в струнку швейцара и стремительно вошли в первую, ближайшую палату.

Странное зрелище открылось глазам вошедших. Посреди палаты сидела маленькая девочка, одетая, как обыкновенная больничная сиделка, в серое холстинковое платье, в белый фартук и белую же косынку. Ровным, четким и ясным голосом девочка читала раненым последние известия с войны. Раненые напряженно слушали.

– Ну, а теперь, сестреночка, прочти про награды. Кого из героев Государь Император жалует. Может, из наших начальников или из своего брата солдата кто и отличился?.. – попросил один из солдатиков с ближайшей койки.

– Пойдите, пойдите, – проговорила девочка. – Я тут раньше про подвиг прочту. Видите, вот напечатано большими буквами: «Подвиг юного добровольца»...

И вдруг Марго замолкла.

Раненые, кто только мог, встали со своих кроватей. Кому подняться было трудно, тот по крайней мере повернул голо-

ву к двери, на пороге которой стоял высокий генерал.

– Здорово, ребята! – крикнул генерал зычным голосом с порога комнаты.

– Здравия желаем ваше... – отвечали раненые, кто как мог, погромче или потише.

В эту минуту из соседней палаты выбежали сестры во главе с самой княгиней.

Высокий генерал поздоровался с ними и в их сопровождении стал обходить палаты. Около каждого солдатика он останавливался, расспрашивал о ранах, о битве, в которой тот участвовал. Солдаты отвечали, не сводя глаз с лица генерала.

Иногда генерал во время разговора оборачивался к шедшему за ним адъютанту, брал у него медаль или крестик и прикалывал к груди раненого, которого он признал заслуживающим награды.

Влажными глазами провожали солдаты высокую стройную фигуру генерала. Вот он прошел мимо еще нескольких коек и приблизился к Сергею Никуди.

Черные глаза юноши уставились в лицо генерала. Единственная уцелевшая рука (другую ему отняли уже неделю назад) схватилась за сердце, которое билось так радостно и трепетно в этот миг.

– Ты доброволец Сергей Никуди? – кратко обратился к нему генерал.

– Так точно, ваше превосходительство...

– Это ты сделал такую удачную разведку, что способство-

вал взятию в плен нескольких неприятельских рот?

– Так точно...

– И потерял руку в этом деле?

– Так точно...

– Прими же Монаршую Милость, храбрец! И носи с достоинством заслуженную тобой награду! – громко на всю палату проговорил генерал и, взяв из рук адъютанта Георгиевский крест, приколот его к груди Сережи.

Из глаз юноши брызнули слезы...

Глава XII

Марго замечена

– А это что за кукла? – неожиданно обратился генерал с вопросом к следовавшей за ним княгине.

– Это, ваше высокопревосходительство, француженка Маргарита Бернар. Она круглая сирота и приехала сюда, чтобы по мере сил помогать в уходе за ранеными, – ответила княгиня. – Она удивительно умело ухаживает за ними, утешает, поддерживает в них бодрость, читает им, пишет письма, поет песенки, не говоря уже о черной работе, которую исполняет не хуже любой сиделки.

– Вот как? Подойди ко мне, малютка! – обращаясь к Марго, проговорил ласково генерал.

И когда девочка смело приблизилась к нему, он приподнял рукой ее маленькое личико за подбородок и заглянул ей в глаза.

Девочка ответила открытым, ясным, спокойным, хотя и смущенным, взглядом.

– Тут есть один раненый, только что награжденный вами, ваше высокопревосходительство, который передал нам много интересного о судьбе этой девочки, – снова обратилась к посетителю княгиня и рассказала ему вкратце обо всем, что пришлось пережить Марго за последние три-четыре года.

– Так, так, – произнес гость, не пропустив ни одного из

слов хозяйки лазарета. – Вы говорите, что девочка полезна...

– О, это – красное солнышко наших раненых, – горячо подхватила княгиня.

– Ну, девочка, спасибо тебе... Услуга за услугу. Ты тут помогаешь моим храбрецам и облегчаешь их страдания, так и я хочу помочь тебе чем-нибудь. Нет ли у тебя какой-нибудь просьбы, какого-нибудь желания?

– Есть, – смущенно проронила Марго, – есть... Хотя я и не смею просить... право, я ничем этого не заслужила, а если я работаю здесь, то ведь все мы должны что-нибудь делать, приносить какую-нибудь пользу, когда храбрые солдатики отдают за нас свою жизнь...

– Однако, какова будет твоя просьба, малютка?

– О, я не для себя прошу... А для Поля. Очень прошу, сделайте так, чтобы Поль ни в чем не нуждался, а то после смерти дедушки Ришара ему очень плохо приходится, бедняжке... – твердо произнесла Марго.

– Кто это Поль? – заинтересовался гость. Марго объяснила.

– Прекрасно, прекрасно... Ну, а для себя?.. Для тебя лично что ты хочешь, чтобы я сделал, малютка? – уже настойчиво произнес генерал.

– Мне самой ничего не надо. Только разрешите мне остаться здесь среди раненых солдатиков до конца войны...

– Хорошо, крошка, все будет сделано, – с улыбкой ответил высокопоставленный посетитель.

И, погладив чернокудрую головку девочки, он прошел дальше.

– Кто это был? Кто это был? – торопливым шепотом осведомилась Марго у окружающих, когда высокая, стройная фигура гостя исчезла за дверью.

– Как, ты не знаешь? Это сам командующий армией. Его имя теперь повторяет вся Россия... – ответила взволнованная милостивым посещением княгиня Курбасова.

Глава XIII

Счастье улыбнулось Марго

Прошло около двух недель.

В лазарете княгини Курбасовой уже начали забывать о приезде командующего армией. Вдруг на имя княгини был получен из штаба армии пакет. В пакете была бумага, в которой говорилось следующее:

«По поручению командующего армией извещаю Вас, ваше сиятельство, что самоотверженно работающая в вашем лазарете юная доброволица, французская подданная Маргарита Бернар определяется в *** институт в Петрограде, куда она может явиться сейчас или по окончании войны. Кроме того, командующий армией из своих личных средств награждает Маргариту Бернар тысячей рублей, которые при сем прилагаются».

Ознакомившись с содержанием бумаги, княгиня Курбасова вышла в палату, где в то время находилась Марго.

– Какое счастье тебе, девочка! – сказала княгиня, стараясь, чтобы все слышали, о чем пойдет речь.

Действительно, раненые, сестры милосердия и сиделки затихли и внимательно прислушивались к словам княгини. Сама Марго, еще не зная, в чем дело, покраснела и заволновалась.

– Видишь, милая, генерал, посетивший мой лазарет две

недели тому назад, тебя не забыл. Ты ни о чем его не просила, но он сам о тебе позаботился. Слушай же! – сказала княгиня и приступила к чтению бумаги.

– А вот и денежная награда, пожалованная тебе командующим армией.

Все ахнули от удивления, а сама Марго не знала, что делать с деньгами. Только через несколько минут она опомнилась и попросила княгиню держать у себя ее деньги. Княгиня согласилась.

Марго, разумеется, была, как в раю. Счастье, наконец, улыбнулось ей. Она имела опекунку в лице княгини, имела маленькое состояние, которое позволяло ей не заботиться о куске хлеба, как это было до сих пор. Могла она уже также не заботиться о своем образовании. Судьба на этот счет сама позаботилась о ней.

И Марго чувствовала себя довольной и счастливой, какой давно уже не чувствовала себя с того времени, как покинула со своей милой мамочкой Париж.

Теперь будущее вполне ясно и светло для Марго. Когда она закончит свое образование, то уедет в Париж. Наймет небольшую квартирку, будет хозяйничать, работать... Возьмет к себе Поля и старую служанку Бланшетту. И что за радостная, чудная жизнь наступит тогда для них троих, испытавших и переживших столько горя и лишений!